

Олег Ермаков

ОБОДЗИНСКИЙ: серебряный голос Луны

Тайна гения Песни

Oleg V. Yermakov. – Obodzinsky: the silver voice
of the Moon. The mystery of the genius of Song

Глас дан нам глаго^лить о Боге и славить Его.
Трон Его – Лу^на, Ро^дина бранных. К ней звал
песней нас Ободзинский, Стези со'LOVE'й.

САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Киев – 2018

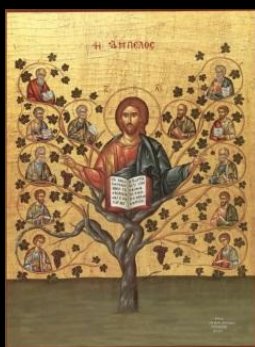

In vino veritas
Истина — в вине (лат.)

**Все открытья мои — плоды
Вакхова метода жома, давящего
Истину, Я Мира, как сок из я God,
из Слова, которое есть ее дом и сосуд*.
Сок Ра — Бога, Огня всех живущих,
она Глубь сердец наших, кою
познать звал Сок-Ра-т.**

* В мире нашем лик Истины — Иисус Христос, Бог Слово, Логос (греч.),
Себя зовущий «Лозой Виноградной». О том сообщается:

Спас Лоза Истинная — редкий иконографический тип, изображающий Христа в соответствии с евангельскими словами: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь» (Ин. 15:1), «Аз есмь лоза, вы же гроздие» (Ин. 15:5). В ранних вариантах (XV век) Христос окружён лозой, в ветвях которой изображены Богородица, Иоанн Предтеча и апостолы (то есть евангельская фраза передаётся буквально). В более поздних (XVII – XVIII века) вариантах усиливается евхаристическое содержание, на лозе, вырастающей в руках или из прободённого ребра Спасителя, виноградная гроздь, которую Христос отжимает в потир. Из символично-аллегорической композиции превращается в дидактически-назидательную. В греческом варианте икона подписывается «Αμπέλως», что, собственно, и означает «виноградная лоза».

URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Православная_иконография_Иисуса_Христа

...ЛОГОСЛОГОСЛОГОС...

Luna * Oleg * Vladimirovich * Ermakov

*In the beginning was the Word, and the Word
was with God, and the Word was God.*

John 1:1

*Get to the **root** of all!*

*Kozma **Prootkov***

(https://ru.wikipedia.org/wiki/Козьма_Прутков)

Dear Friends!

My name is Oleg Yermakov. I was born in Russia, graduated from Kyiv National University of T. Shevchenko (Ukraine), I live in Ukraine. In April 2009 I created the Unified Field Theory which I would like to offer to your attention. The work is written in Russian.

Its meaning is that Einstein, creating his theory, was mistaken: he created this work as a physical theory, but it is a **LINGUISTIC** theory, because **the Word is the Root of everything**.

Your sincerely,
Oleg Yermakov

e-mail: nartin1961@gmail.com

Все тайны Мира и Луны. Книга «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», скачать:
All mysteries of the Universe and the Moon. The book «Planet Love. The basics of the Unified Field theory», download:
https://www.academia.edu/2475366/Planet_Love_The_basics_of_the_Unitary_Field_theory_in_Russian

Безумная популярность этого артиста — поныне загадка. В час властвья в СССР певцов Системы, чужд ей, Ободзинский был **лю**дям милей, собирая на своих концертах тьмы восторженных поклонников.

В чем корень его беспримерного, щемяще краткого триумфа? Как мыслю, в одном: в том, что пел он о **глав**ном для нас: о Любви и Стезе нашей. Ибо едины навек они — Песня, **Лю**бовь и Стезя.

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Ободзинский, Валерий Владимирович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ободзинский,_Валерий_Владимирович)

*Пять условий для одинокой птицы.
Первое: до высшей точки она долетает;
второе: по компании она не страдает,
даже таких птиц, как она;
третье: клюв ее направлен в небо;
четвертое: нет у нее окраски определенной;
пятое: и поет она очень тихо.*

Карлос Кастанеда. Сказки о силе

SOLOWAY

Че'LOVE'к — со'LOVE'й, песнь
чья есть Дело жизни людской — труд
во сЛАВу Любви, ГЛАВы нам, коя Бог.

Человека УСПЕх в жизни сей —
СПЕТЬ УСПЕТЬ до УСПЕНЬЯ* его.

*Успение — смерть, вечный сон. Спать — сопеть;
Песни дудку — сопелкой зовут.

СОЛОВЕЙ СТЕЗИ ЛЮДСКОЙ

Все те, кто поистине уходит из этого мира, идут к Луне. (...)
Поистине Луна — это врата **не|бес|**ного мира.

Каушиитаки-упанишада, I, 2

СИН, **ВАК**х Римлян, — Луны бог аккадский: в **РА**та в **НЕБ**о, **СИН**ь, Глубь, **ИН**ь (кит.), мост куда Иисус нам, Бог-**СЫН**. **ИИС**ус — **ИС**á (араб.): Луны в **'EST**ник (https://ru.wikipedia.org/wiki/Иса_ибн_Марьям). Луна, **МЕН**А (греч.) — **A|MEN** (лат.), **ИС**Т|**ИН**|А: **ГРЕ**х (**SIN** (англ.)) в мире сем лживом; жизнь бранных — Луны, **ФОН**аря **СИН**еМÁ. **ГОЛ**ос, **VO**ICE (англ.) — **ВО** ИСЕ: **В** ИИСУСЕ — **СЕ**ЛЕН|е как Сути **С**|**ВО**ей, завет чей на **СИ**нае от Бога пр|**ИН**ял **МО**ИСЕ|й. В Луну, **МАХ** (авест.), **ВО** ИНь, и **ДУ**щий есть **ВО**|**ИН**: **ОР**ел од|**ИН**|**ОК**ий, Полета, **МАХ**ания **МАГ**, им **ВЕЛ**икий (**САН**скр. **МАХ**а) как Делом ед|**ИН**|**ЫМ** своим.

Бога трон, Луна — **МО**Зг (лат. **C|ER|ÉBR**um) всего¹, **СИ**ла-**ВЕ**ра живущих как Мать (**MO**|**TH**|**ER** (англ.)) их, в **A**|**ДА**МЕ рЕБро. **СЕ**Р|ЕБР|О (**SIL**|**VER**, **LUNA** (англ.)) — «**СЕ** (это, вот (стар.)) **РЕБРО**»: Мать как Целое, мнимое частью — Луна, брeнья **С**ЕРп жнуций² и **ВАК**ха дом, мЕРа чья — **Ц**|**УН**ь, дюйм Неба (<https://www.massage.ru/encyclopedia/chto-takoe-cun>). Глубь мира сего, Луна — т**ВЕР**ди земной колебатель, **ЦУН**áми творец.

ОБОД|**ЗИН**|СКИЙ, П'**EVE**'Ц (**SING**ER (англ.)) — **ОБОД** **СИ**на, иль **ВАК**ха³: **ЛУНА** как **IN**'ого **БАК**, кол**ОКО**л Тьмы, з**ВОН** чей он, «**Ц**|**УНА**» в м**ЛАД**ости (<https://uznayvse.ru/znamenitosti/biografiya-valeriy-obodzinskiy.html>).

Бог есть Ис**ТО**к наш, зовущий Луной⁴; Ободзинский — глас зова сего: песнь Сребра, нас в**ЛЕК**уща Домой.

¹«Луна — сплошной и чудовищный мозг» (Андрей Платонов. Лунная бомба).

²**PERS**'ефона, она ж Про'**SER**'ина, богиня сей жатвы — у Древних Луна, Глубь-и-Высь.

³Диониса — у Греков. Навыворот он есть **Син**обид, «из Синова рода» (греч.): дети его иль он сам.

⁴**Аллах** (араб.), **God** (нем.), явь чья **Алла**, огонь песни советской, и чешский певец Карел **Готт**.

Ободзинский. Луна на солнечном берегу

<https://www.youtube.com/watch?v=OVEw-QV51PU>

Ободзинский. Дорога

<https://www.youtube.com/watch?v=Nx68kdoH56k>

Ободзинский. The Way

<https://www.youtube.com/watch?v=KWEtyn5Em1k>

Основанья работы даны в Приложениях.

Иные соловьи Стези

Примеры их

- МАТЬё МИРей — МАТЬ МИРа ДО|ЛЬН|его, ЛуНа;
- СИН|АТР|а Фрэнк — вРАчующий СИНом, ЛУНОй;
- СЕ|LEN|ТА|NO Адриано — СЕЛЕНы ЛЕНТА, Путь;
- ТАЛЬКОВ ИГОРЬ — Луна, ЛЮбви АЛЬКОВ.

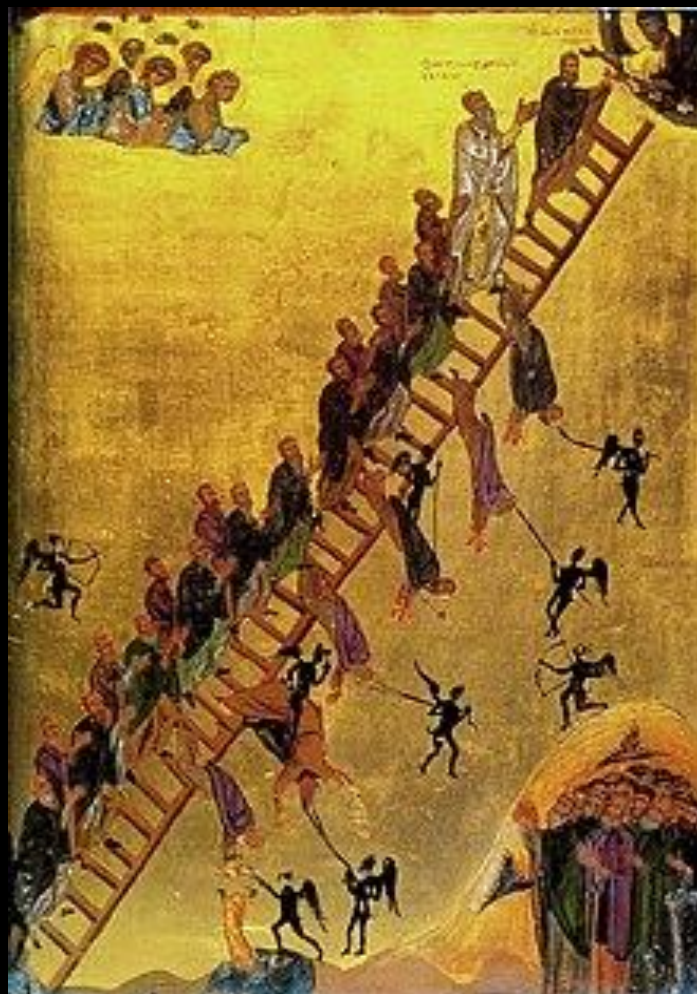
О ЛЕСТНИЦЕ В ТО

*И увидел во сне: вот, лестница стоит
на земле, а верх её касается неба;
и вот, Ангелы Божии восходят
и нисходят по ней.*

Быт. 28:12

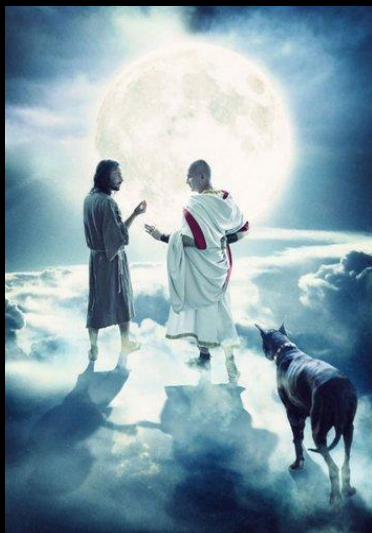
Преподобный Иоанн Лествичник (VI – VII вв.)

Лествица Иоанна Лествичника
(икона из собрания монастыря Святой Екатерины, XIII век)

В четвёртое воскресенье Великого Поста (**12 апреля**) Церковь Христова празднует память преподобного Иоанна Лествичника, автора известной во всём христианском мире книги «Лествица». Иоанн Лествичник объединил духовные и аскетические традиции египетских монастырей. Он является автором «Лествицы» (от ст.-слав. «лестница») (варианты — Лествица райская, Скрижали духовные). Книга написана в середине VI века по просьбе Иоанна, игумена Раифского монастыря: «преподай нам невежественным то, что ты видел в боговидении, как древний Моисей, и на той же горе; и изложи это в книге, как на богописанных скрижалях, в назидание новых Израильтян». Представляет собой руководство к нравственному самосовершенствованию. Образ «Лествицы» заимствован из Библии, где описано видение Лестницы Иакова, по которой восходят ангелы (Быт. 28:12).

https://ru.wikipedia.org/wiki/Иоанн_Лествичник

Путь С|часть|я — путь Домой

Ложе было в полутьме, закрываемое от луны колонной, но от ступеней крыльца тянулась к постели лунная лента. И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошел по ней вверх прямо к луне. Он даже рассмеялся во сне от счастья, до того все сложилось прекрасно и неповторимо на прозрачной голубой дороге. Он шел в сопровождении Банги, а рядом с ним шел бродячий философ. Они спорили о чем-то очень сложном и важном, причем ни один из них не мог победить другого. Они ни в чем не сходились друг с другом, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем. Само собой разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением — ведь вот же философ, выдумавший столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые, шел рядом, следовательно, он был жив. И, конечно, совершенно ужасно было бы даже помыслить о том, что такого человека можно казнить.

Казни не было! Не было! Вот в чем прелесть этого путешествия вверх по лестнице луны.

Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

Приложения

***Человек в сути — Мир.
Речь людская — речь Мира,
устами рекущего нашими.
Речь свою людям познать —
познать Мир как Себя.***

Все мои труды:

<https://univ-kiev.academia.edu/OlegYermakov>

Приложение 1

AB SLOVO

САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА, МОЙ МЕТОД

Ab Slovo. The sacral linguistics, my method¹

Сакральная лингвистика — наука о верном делении слова, стоящая на двух столпах. Первый: Слово как Сущность тождественно Богу и Миру (**Вселе**нной). Речет **Еван**гелие: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1), — т.е., сущее прежде всего, **Слов**о есть Бог, Родитель, и Мир, Дитя: ведь кроме Мира у Господа нет ничего. Столп второй: Слово, сущих Оплот, не несет корень как часть свою, как мнят ныне, — *корень есть оно всё*². С тем, деление слова к Познанию вершимо не от части к Целому, но встреча — от Целого к части: в Глубь слова, сиречь **Свер**ху вниз. Так, **AB OVO**, течет от **ис то**ка река: Мир — от Бога. Так, Богом творим, в себе делится Мир без **разъ**я³тия; так в лоне **вз Ра**стает дитя: тело — из **гол** **OV**ы, его корня. Деля так, мы, с Богом идя, зрим чрез сл' **OVO** всё сущее Мира и **дверь** в Мира **Цель**ность, **Л**уну³.

WORD IS WORLD

Суть познать — от нее ступать нам: от **При**чины к **Причине** **возв Ра**тным путем колы⁴**севым**. Так ступает душа, коя — мы, **ис к Ра** Божья, вершащая **Поис**к: от Бога ко Богу, **из — к — Ра**. В том — **са к Ра**льной **L'IN**гвистики суть. Луна, Речь (**Вак** (**инд.**)) — Корень сей науки, частиц ее **Вак**уум; **датель** ее людям — **Вак**х: Слово, **Сок** Луны, **Я'God**ы **вакан**тной⁴; **автор** в миру ей — **Сок Ра**т, **вино**чер⁵**пий** его⁵; глас забытой ее — я, восшедший от физики, ложного взора (**Природа**⁶, греч. фюзис, как явь **Ages**'тотеля — Мир безг⁶**ловый**: без Неба Земля, Дол без Выси), к линг' **VIS**тике, науке Слова как Мира, Сосуда и Поля всего.

Труд сакральной лингвистики, Вакха стези:
выжать из речи Мир как из ягоды сок, чтоб испить его нам.

¹ **Met-hod** — к **Мет**е, Цели **ход**, суть наука Ид/ти-Дос/ти/гать. От поры Аристотеля, Землю **разъ**явшего с Небом, Главой ее, слово Полета «метá» переводят как плоское «после», «за», чья имманентность, тогда как Цель — «над»: Трансцендентное, Вось, коей мудрый крылат.

² Корень, Целое, мнят ныне частью, деля **слово, корень себя**, на корень, суффикс, приставку и окончание. Слова как корня единого явь — **Сан**/скрит (**Дева** **нага**/ри), где буквы слов сущих с' **VIS**ают с опоры единой, как смертные люди с Небес, бренье с Вечности: **संस्कृता**. **План**ка планок, Опора-**Выс**ь, Ось (**VIS**ь (укр.)) — Речь, слов Душа: **Луна**, **Дева**, змея **нага** (санскр.)) кольцевая.

³ «Все те, кто поистине уходит из этого мира, идут к Луне. (...) Поистине Луна — это врата небесного мира», — рекут о том Веды (**Кау**шитаки-упа/ниша/да, I, 2). Поистине Небо, Вось — Мир как Ед³иц³ство, каким и **есть он**: Земля, Дол — Мир как Рознь, кою он не есть.

⁴ Согласно открытию NASA, **Луна** — пустотелый сосуд: По³и³ность, тайная смертным очам, что навыворот зрят.

⁵ Бич дней сих, Стагиритова дочка наука не знает: искусство **Сок Ра**та **май**и⁵**ев**тика, данное в помощь **беременным Истиной, людям**, родить Ее — есть **жсом, да**вление **Ее из Слова как сока из Я'God'ы-Тьмы, Винограда** (Лозы — по Христу): царь умов **Дионисов процесс**, чьим посредством Мир, в Ягоде сей **Иноград**, извлекается из **древ**них речи корней, **Луны в ней**, ради знания его. Выжать из речи нашей, **вок**ала, Мир — **явить** **Луну** как Сосуд его: **Вак**. Речь как Мать всего, **Мену-Патон**у у **Прек**сов (сын коей **Платон** — муж **речистый от** **мен**и⁵**но**; **Луну звать** — лягушкою **к-вак**-ать в ночь **луну**и⁵**ну**; **Причину** **петь** **дольне**), **Любовь** как **s'lov**е⁵ Суть, от бед всех **Вак**и⁵**ну** (с тем, первой вакциной в миру нас — корова снабдила: **Тьма, Ма**ть). Посему без **бок**ала, рекут, нет **вок**ала: без **Вак**ха, **мес**и⁵**ад** вожака и царя Эд⁵ев⁵**синий**, аккадского **Син**а, владыки Луны (Вакх есть **Бык, Сын** Коровы сей, **Бок**, он же **Роз**, ее верный как Два при **Нол**е, **А/пол**и⁵**он** как **пол-Лон**а при **Лон**е, **Лун**е) — нет и речи людей как **рек**и от **Ис**то/ка сего.

⁶ **При Род**е (Бог (стар.)) — плод Его и подобье: Мир, Божье Дитя.

Приложение 2

МИФ

Древнее народное сказание о легендарных героях, богах, о явлениях природы. М. о Прометее.
2. перен. Недостовверный рассказ, выдумка. М. о пришельцах.
3. То же, что вымысел (в 1 знач.).
Вечная любовь — миф. || прил. мифический, -ая, -ое.

Толковый словарь Ожегова

МЕТОД ЕСТЬ МИФ • METHOD IS MYTH

С^{го}лп труда сего — **Миф**. Только он, Сердце наше — у **ма**м Аргу**мент**, **тай**ный **тлен**ной науке¹ как Всё ничему. **Миф есть Сущее: Мир в очах зрячих как Целое в части согласной своей**². **Миф есть Жизнь: ибо Сущее — Жизнь; чуждость Мифа — безжизненность: смерть, Жизни нуль. Миф — Любовь: Жизнь — она; не любить — есть не жить.** А **в**го**р** Мифа есть **Бо**г, его Сердце; Мир — тело при нем: Миф как плоть. Мифа взор — очи зрячие: Вечности **вз**ор и **при**частных ей; очи слепые — взор бренья и всех сущих им, коим Мир есть **мира**ж. **Тлен**ным нам, бреньем **бодрым**, Миф — **Сон**: То как с **мер**тных **Основа**, дом **П**ра**щу**ров, кои в нем есть корни наши: **не сущие** в Сем как **несущие** нас. Мира части, мы есть **части Мифа**: он есть **Со**ста**в** наш, капль своих **Оке**ан³. С тем, **Миф — сам че** **LOVE**к, **человечность — мифичность; Moon**house⁴ — **дух наш: Луна**, **летал к коей барон — наш Исток**, **Дом наш как СОЛНЦЕ МИФА; познать Миф — познать Я свое**. С тем, душú (**ба** (египт.)) нашей **искра** как мы самое — Миф как Мир, Огонь-Я. Мир как Суть **до**к**ла**зывать — Миф **стя**жать **око**м **чистым**, с **тез**ей **кочевой**⁴ (ибо **в**идет⁵ — идти, очи — ноги-**к**ры**л**á⁵): **до Саús**’ы, **Причины** дойти: в Том — до Гос**пода**, в Сем — до **Луны**, **Мен**ы, **трона** Его и **лар**ца.

¹ Дитя **Ares** тотеля, Розни посла, очи наши разъявшего: Сердце, Единое — в Ум пустой, Два.

² Мир — Творение Бога, Тьма-Свет, Лоно сущих, **в Селене Вселенная** их. О Реальности сей **осевой** пишет **Лосев** в своей «Диалектике мифа»:

Разумеется, мифология есть выдумка, **если применить к ней точку зрения науки**, да и то не всякой, но лишь той, которая характерна для узкого круга ученых новоевропейской истории последних двух-трех столетий. С какой-то произвольно взятой, совершенно условной точки зрения миф действительно есть вымысел. Однако мы условились рассматривать миф не с точки зрения какого-нибудь научного, религиозного, художественного, общественного и пр. мировоззрения, но исключительно лишь с точки зрения самого же мифа, глазами самого мифа, мифическими глазами. Этот вот мифический взгляд на миф нас тут и интересует. **А с точки зрения самого мифического сознания ни в каком случае нельзя сказать, что миф есть фикция и игра фантазии.** Когда грек не в эпоху скептицизма и упадка религии, а в эпоху расцвета религии и мифа говорил о своих многочисленных Зевсах или Аполлонах; когда некоторые племена имеют обычай надевать на себя ожерелье из зубов крокодила для избежания опасности утонуть при переплывании больших рек; когда религиозный фанатизм доходит до самоистязания и даже до самосожжения; — то весьма нежелательно было бы утверждать, что действующие тут мифические возбуждители есть не больше, как только выдумка, чистый вымысел для данных мифических субъектов. Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но — **наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это — совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола.** Заметим, что для науки XVII-XIX столетий ее собственные категории отнюдь не в такой мере реальны, как реальны для мифического сознания его собственные категории. Так, например, Кант объективность науки связал с субъективностью пространства, времени и всех категорий. И даже больше того. Как раз на этом субъективизме он и пытается обосновать «реализм» науки. Конечно, эта попытка — вздорная. Но пример Канта прекрасно показывает, как мало европейская наука дорожила реальностью и объективностью своих категорий. Некоторые представители науки даже любили и любили щеголять таким рассуждением: я вам даю учение о жидкостях, а существуют эти последние или нет — это не мое дело; или: я доказал вот эту теорему, а соответствует ли ей что-нибудь реальное, или она есть порождение моего субъекта или мозга — это меня не касается. Совершенно противоположна этому точка зрения мифического сознания. Миф — **необходимейшая — прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая — категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это — подлинная и максимально конкретная реальность.** // ... // Миф не есть бытие идеальное, но — **жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность.**

³ Осознание себя частью Мифа, т.е. **единородной частью Вселенной** — отличие мага от о**быч**ного человека (так зрит Кастанеда). **Маг** (**маха** — великий (санскр.)) — **воин: во Глубь**. Мир идущий, **Гро**пы сей **ан**троп; сила мага — очей **Сила**, Миф как **Селена**, **Мах** (авест.), **силен** коей вся как **Мах**анием **крыл**.

⁴ Так стяжал его Скиф, **П**ра**щу**р наш.

⁵ Ибо **оптика** — **иг**на: **пуша**, суть идущая.

Приложение 3

Луна звенит

Миссия «Аполлон»:
главное открытие землян

Мнящие, что богатство достигшей Селены Америки
есть пыль и камни с нее, заблуждаются. Главное
достояние миссии «Аполлон» есть открытие
физической пустоты Луны: пустоты урны Истины,
Sat, и ворот в Небеса, какой знал ее Пращур. То –
полость как Полноты: Жизнь, Луну. Летя на Луну
за Иным, привезли мы оттуда Себя позабытых –
вот Камень, что нам достал с неба гигант «Сатурн-5*».

* В древнем Знании Пять есть число Человека: звезда, устремленная в Высь.

Пещера говорит о помещении, включении или укрытии чего-либо. По Юнгу, это что-то неприступное и тайное, например бессознательное¹, что характеризует Луну.

Оккультно-мифологический Зодиак
<http://www.sunhome.ru/magic/14840/p2>

С незапамятных времен в пещерах высекались монастыри и святилища. Ведь именно пещера являла собой образ мира, уподоблялась и сердцу, и чреву, а потому считалась местом перехода в мир иной, была местом встречи с Богом.

Что скрывают пещеры?
<http://www.liveinternet.ru/users/3184308/post135585204>

Планета Луна — пуста. Факт этот есть основное открытие, совершенное в ходе серии полетов американских кораблей «Аполлон» к Луне в рамках одноименной программы НАСА (1969 – 1972). По итогам сейсмических изысканий, осуществленных в ее рамках, Луна есть **пустой металлический шар**.

Открытие этого факта произошло 20 ноября 1969 года в 4 часа 15 минут при ударе о лунную поверхность использованной взлетной кабины корабля «Аполлон-12». Придя в колебание, Луна, точно гигантский гонг, дрожала свыше 55 минут, что было зафиксировано оставленным на ее поверхности сейсмометром.

Амплитуда колебаний вначале росла. Максимум ее пришелся на восьмую минуту с момента удара, затем она стала снижаться, сойдя на нет. В тот же день руководитель Института сейсмологии США **Морис Юнк (Un'к)** в послеобеденных новостях объявил эти поразительные факты. В частности, он сказал: если образно охарактеризовать зафиксированное дрожание Луны, оно напоминает **удар в колокол в церкви**. Сейсмическая волна, рожденная падением, распространялась от эпицентра в поверхностном слое Луны во всех направлениях, кроме одного — вовнутрь, целиком отражаясь от тайного взору зеркального барьера.

Открытие НАСА настолько потрясло и заинтриговало американцев, что, изменив ход программы, во все дальнейшие полеты они толкали к Луне параллельным курсом последнюю ступень носителя «Сатурн-5», прежде отбрасываемую за ненужностью по завершении ее работы, чтобы ударить в Луну и послушать звон этого колокола. Гигантская бита, врезааясь в планету на скорости в 2,5 км/с, рождала могучий ответ Тайны. Так, при ударе ступени «Аполлона-13» (пункт столкновения был избран в 87 милях от сейсмометра, установленного экипажем «Аполлона-12») звон Луны длился 3 часа 20 минут, причем сейсмоволна, не идя вглубь, перемещалась в границах 25-километровой

толщи пород. По итогам всех испытаний наибольшая зарегистрированная продолжительность лунного звона составила свыше 4 часов.

В СМИ писалось о том: «В соответствии с различными исследованиями, у ученых напрашивается вывод, что Луна непременно должна быть полый. В своей книге 1982 года «Moongate: Suppressed Findings of the U.S. Space Program» («Скрытые результаты космической программы США») инженер-ядерщик, исследователь Уильям Брайан II пишет, что информация, представленная сейсмическими экспериментами «Аполлонов», свидетельствует, что «луна полая и относительно жёсткая». Кроме того, ряд астрофизиков были настолько смелы, что стали утверждать: полость внутри Луны имеет искусственное происхождение».

Открытие это — опорно науке: з|вон лунный есть блáговест Тьмы, Пустоты тленных глаз:

ЛУНа вне — НУЛь внутри

Глубью горней звеня, Луна — колокол Бога, звонящий по нам: по бессутности Суть, по пустой части Целое, Мать² по ди|тят|и с|леп|ой. Т|айн|ы го|нг, то — глас Сердца, стезя нам в Корнь наш. Знал мир древ|ний: Луна пуста — ибо По|лн|а она. Отождествляя ее с Великой Бо|гин|ей как Космосом, Лоном всех, бывшем Ко|ров|ою, go (санскр.) в 'star'ь (Египту — Нут), П|ращу|ры зрили, что плотски она — пол|ый шар: Пол|ность, Дух — очам бранным пуста, ведь пусты есть они. Само слово Л|ун|а кажет полость ее слогом дырности ун, без [всего], в середине. UN (лат.) = EN (гр|еч.). Лун|а — лун|ка: выемка Тьмы, Нут|ра в ней. Так зрил Лон|ом (Пещ|ер|ой) ее К. Г. Юн|г. По-сан|с|крит|ски Луна — Чан|дра: чан (бак) — дыра, полость: в Сем — То. Мать всех как Лю|бо|вь самое, у Ин|дий|цев она — Глас как Речи богиня Вак. Вак|х, он же Бах|ус, бог М|ЕН'ы, Луны (греч.), мен|а|д во|ждь — суть Бак с Пус|то|то|ю в нем (отсюда — Бах: му|зык|ант — душ зв|она|рь), Vo|id (англ.), что вызывает: во|йд|и!; Аполлон, Луны сын и связной с ней (ведь Лето, Латона — Луна) — Бак|хий: п|лю|щ, к Луне вьющийся, в сути — Вакх сам; Пан (греч. Всё), лик В|селен|ной (При|род|ы: при Род|е, Творце (стар.) второго), родня Вакха — Pus (инд.-евр.), в Ведах — Pus|han, Пут|и ст|ра|ж. Глубь Луны, Mun|dus (Мир), Хор душ, в Moon, Суть звеняща — в сем пан|цир|е, moon'дире Ра|к (в Зодиаке — знак лунный), глаз бранных Дыра. Как Селен|а, Сок|Ра|т-Силен Миром pus'ат, им силён как познавший Себя Пустотой³. Ось (Кол) глаз, кóла (круга — стар.) их Центр, Цель наша — вот Кол|о-Кол горний, Луна, з|рачок в оке людском: Мир и очи — одно. С|enter — enter: центр — вход в То; сред|ина — инá как в|Ра|та в Бога нам, и Ему в нас — врата ж; глас — глаз: Кол|око|л — Око Творца, коим зрит Он в мир сей: в свитках древних — Луна.

Звон ее — в сердце свят. Арм|стронг⁴, первый землянин на ней, рек о том: «Я уверен, что число сердцебиений каждого человека сочтено еще при рождении. Я не хочу знать, сколько сердцебиений у меня в запасе. Я лишь хочу прожить жизнь, в которой **каждый удар сердца — это удар колокола**». По воспоминаниям моей матери, первым произнесенным мной в жизни словом было «Луна», а первым ярким впечатлением — песня «Колокольный звон» о жертвах Бух|ен|вал|ьда. Услыхав ее двухлетним малышом, в молчании я долго переживал услышанное, вслед за чем потребовал у родителей бумагу и карандаш и воскликнул: «**Я нарисую колокольный звон!**».

¹ Коллективным Бессознательным Юнг называл Мир, Вселенную, Тайну глаз бранных.

² С Богом Мать сущих, Луна-Корова едина как Д|лан|ь Его, Власть, слог чей — go|v, зримый в словах «говядина», «говенье», «go|v|er|n|men|t». Блá'gov'ест — голос Ее: установленный сейсморазведкою периодичный сигнал Недр, велящий планете звенеть (по оценкам ученых, источник его залегает на глубине порядка 900 км).

³ Речь идет о великом Сократовом изречении «Я знаю, что ничего не знаю»: знать незнание свое бранным нам — ведать Мир, Пустоту как Себя Самое.

⁴ Фамилия эта переводится с английского как «сильная рука»: Луна, Мать, Кем жил Нил. Египтянам и Грекам была она сердцем Того, Подземелья, отколь текла к нам кровь Жены этой — Нил, «река черная»: То, Луна — Тьма.

Единая теория Поля Олега Ермакова

Авторская презентация

The Unified Field Theory by Oleg Yermakov
Author's presentation

**Дети Неба, с утратой его мы ослепли, утратив Луну,
его Огнь. Мир познать — вновь увидеть его.**

*This work examines a question of a true place of Moon
in the whole Universe. Meanwhile the contemporary atheistic
per se science considers it as a lifeless Earth captive
it is actually an axis of the Universe and the throne of God.
Being thought as a corpse the Moon is the Life itself.*

***Попытки создання Теории Поля,
Вселенной живой — явь простой жажды
нашей познать свой Исток. Он — Луна,
сущих Мать, путь в него — Стезя наша.
Его сердцем зря, создал я этот труд.***

Любовь к Луне, похожая на вызов,
Любовь к Луне, похожая на зов,
Вдруг ожила, тоской меня пронизав
Погасших свеч, печальных образов.

Любви к Луне, мистической и странной,
В душе живущей с самых ранних лет,
Загадочны истоки и туманны,
Как прошлой жизни отраженный свет.

Но в этом свете, призрачном и зыбком,
Последний с тайны я сорву покров,
И сердцем опознаю без ошибки
Я лунный знак неведомых миров.

Мала она — но Мир в себя вмещает,
Бледна — но в зачарованной тиши
Лучами ярких истин ослепляет,
Луна, святой Огонь твоей души!

Юлия Мицар

Создание Единой теории Поля —
возврат двух забытых людьми
и наукою их: душам — Бога,
очам нашим бранным — Луны.
В том работа моя.

Слово к Луне

Освятнейшая, человеческого рода избавительница вечная, смертных постоянная заступница, что являешь себя несчастным в бедах нежной матерью! Ни день, ни ночь одна, ни даже минута краткая не протекает, твоих благодеяний лишенная: на море и на суше ты людям покровительствуешь, в жизненных бурях простираешь десницу спасительную, которой рока нерасторжимую пряжу распускаешь, ярость Судьбы смиряешь, зловещее светил течение укрощаешь. Чтут тебя вышние боги, и боги теней подземных поклоняются тебе; ты круг мира вращаешь, зажигаешь солнце, управляешь вселенной, попираешь Тартар. На зов твой откликаются звезды, ты чередования времен источник, радость небожителей, госпожа стихий. Мановением твоим огонь разгорается, тучи сгущаются, всходят посевы, поднимаются всходы. Силы твоей страшатся птицы, в небе летающие, звери, в горах блуждающие, змеи, в земле скрывающиеся, чудовища, по волнам плывущие. Но я для воздаяния похвал тебе — нищ разумом, для жертв благодарственных — беден имуществом; и всей полноты речи не хватает, чтобы выразить чувства, величиим твоим во мне рожденные, и тысячи уст не хватило бы, тысячи языков и неустанного красноречья потока неиссякаемого! Что же, постараюсь выполнить то единственное, что доступно человеку благочестивому, но неимущему: лик твой небесный и божественность святейшую в глубине моего сердца на веки вечные запечатлею и сберегу.

Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел

УВИДЕТЬ МИР. ПРОЛОГ

Я верен скромной правде. Только спесь
Людская ваша с самомнением смелым
Себя считает вместо части целым.
Я – части часть, которая была
Когда-то всем и свет произвела.
Свет этот – порожденье тьмы ночной
И отнял место у нее самой.
Он с ней не сладит, как бы ни хотел.
Его удел – поверхность твердых тел.
Он к ним прикован, связан с их судьбой,
Лишь с помощью их может быть собой,
И есть надежда, что, когда тела
Разрушатся, сгорит и он дотла.

Гёте. Фауст. Перевод Н. Холодковского

Этот мир придуман не нами,
Этот мир придуман не мной.

Леонид Дербенёв

Автор верной теории, **Столп уст**, не мы — Бог Всевышний: мы **в нем** лем ее от Него. Само **слово** «**теория**», идя от **Теос**, Бог, и **орис**, **рот** — есть «реченное Богом»*, явь истины сей. Но служа Аристотелю, науки бренной отцу, мы не **видим** ее и, взыскупя Мир, тщимся возвесть этот **Храм** из ничто как **мираж** из гордыни своей вместо **счастья** **признать** его, **сущий**, **увидеть** собою самим не **творя** Мир примысленный: к Истине ложь, к Сердцу ум как Огня тень сего**. Ведь **не мы, но Господь создал Мир, Приз** исканий людских. С тем, нужды нет творить то, что **есть**, единить **уж Единое**. Зреть так — постигнуть Мир истинный: вымысл не наш, но Творца и **Владыки** его.

* Тогда как **гипотеза**, суть понижение (греч. **гипо**) Бога (греч. **Теос**) — молвь наша: от Бога шаг вниз — мы, подобье Его.

** Это значит, что строгой теорией Мира, надежной картиной его есть **лишенный иллюзии взор**. Очи — Истина, Сердце; иное им — ум, ложь, коль Сердца лишен. С тем, мирянин-слепец опыт свой сообщает из уст в уста; **видящий**, маг — из очей в очи: Мир, сущих **Мать** (ибо он Лоно им) — Слово Божье не уст, но очей, не **ума** — Сердца. **Ведая** это, **Сократ**, величайший философ истории, книг не писал: **Мир был книгой ему, Богом данной**. Знал он: ведать Мир — быть единым очами с ним, с тем — Миром **БЫТЬ**.

Речь в книге — об истинном месте Луны во Вселенной. В то время как нынешней, Бога не чтящей науке Луна мертвый пленник Земли, людям древним¹ она — мира Ось и Господний престол; трупом мнима, на деле Луна — Жизнь сама.

Проблема создания Теории Мира, Всего — дух мирской, царь умов в наши дни: зло — не Благо, не Знание — невежество. Скверный побег не дает добрый плод, лживый рот не щедр Истинной. То — мир сей ныне. Бог, Мира Творец, чтим им праздным глаголом; наука ж его, млат прогресса, не зрит Бога вовсе.

Слуг Розни с моралью двойной звал Христос «фарисеи»². Науки бессутней творец Аристотель — злой Арес, арест душ — был им: чтивший Бога в речах, он отсекал Главу эту от глаз, взяв опорой Всему зримый мир — часть без Целого, бренье без Вечности. Сущая на сем фундаменте как пустоте, дуб без Корня, наука мертва, с тем — бессильна явить Мир нам, чье Колесо в розни с Осью, Творцом, не вертится — и, мертвое, тайно для нас. Тайной было оно с тем Эйнштейну: прозреть Абсолютность — Мир, Вечность — не смог он, зря лишь относительность: бренный сей мир, Мира тень³.

Зная то, Миру я возвращаю Творца: Колесу — Ось его. То — возврат очей от Сатаны, Розни, к Богу, Единому, от Аристотеля — к корню без порчи, Платону, целящий в очах горний ток — реку Знания разъятую. *Столп ее цельной — Луна, Ось очей и трон Бога.* Мнясь мертвым придатком Земли, в очах горних она — Мать ее: спутник как Sat, Истина (санскр.), сущих Жизнь⁴. Бренных глаз дыра, в вечных Луна — Огнь-Любовь, главный нам⁵, точка сборки Всего⁶: в небе — Центр его, в оке — зрачок⁷. *Знать Луну, Корень, нам — ведать всё.*

Луна — Ось всего

Лунный корень **MEN/MAN** в именах,
главных нам — явь сей сути её

- **МЕН**а — **ЛУНА**: **ЛЮ****БО**вь, Сила **МА****Н**ящая, **СТО**лп пере**МЕН**¹,
сущих **МА**ть, **ДЕ**ВА (греч. **КО****РА**) — **ЛО**НО без розни,
Антропной **КО****МА****Н**ды **КО****РА**бль², чей есть **БО**г Ка**ПИ**тан;
- **АМЕН** — **ИСТ****ИН**а (лат.): К'**АМЕН**'ь душ, **КОР**нь и**МЕН**, вещей Суть;
- **MENs** — Дух, **РА**зум (лат.): Огонь как **МЕН**тальность, **Я**;
 - **МА**ну — **АН****ТРО**П Земли первый, Луны **ДИ****ТЯ**;
 - **MEN**, **MAN**, hu**MA**nity, **MAN**kind (англ.) —
ЛЮ**ДИ** Земли сей; мужи как умы Сердца бранных, **ЛУ**ны;
- **РА****З****У****МЕН**ие: крепость Луной, Сердцем нашим, у**МА** как у**МЕН**ие знать;
 - **MA**nus — **д****ЛАН**ь (лат.): **ЛУ**ны **ОР**ган жи**ДУ**ЩИЙ³;
 - **МАН**НА — Дух, **ПИ**ЩА (**САН**скр. **АН**НА) небе**С**ная;
 - **МАН**тия — Суть облатка благая: на Боге Луна;
 - **МАН****ТРА** — Сила чрез звук, к Луне зов;
 - **MEAN**ing — смысл (англ.): Луна в и**МЕН**ах;
 - **MEAN**s — средство, **БО**гатство (англ.): в действии Луна;
 - **ОБ****МАН** — **ТАЙ**ность Луны волей злой;
- **МЕН**ь — муж Истины сущих, Любви, в мире сем глас Луны.

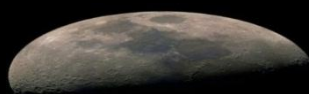
...NAME NAME NAME NAME NAME...

¹ Смерть и Время царят на земле, –
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Владимир Соловьёв

² С тем — **Ма****тка** **IN**'ого челнов, **НЛО**, с ней
един³ых как капли с родящей Водой.

³ Мать богов в лике зримом своем, Луна есть Рука Бога.
Был ею Нил **Арм****стронг**, Луны пи'**ONE**'р.

Мир есть Сущее, Всё, ALL (англ.); Бог есть
Ось, AXIS, его, ар. ALLAH. Небо, SKY (англ.) —
Мир, ТО как ОТчизна людей, горня РОДИНА их.
В теле суща, SKY'лит и ТО'SKY'ет по ней душа
наша как Я без пелен: по Любви — че'LOVE'к.

Знанию МИРА в нас, СМЕРТНЫХ — ПРИЧИНА оплот:
Бог, ЛУНОЙ данный нам как ВРАТАМИ в Него.

Жизнь — Вселенная, Мир: Божье Целое как Состав наш, Корень древ
сущих, капль Океан⁸. В своем «Логико-философском трактате» Людвиг
Витгенштейн говорит о Вселенной и языке людей, данном им Богом к
Познанию, как паре единых, в которой логическая структура языка
тождественна онтологической структуре Мира. С тем, *Речь —
видность Мира и Мир сам: от Бога, Истока, Река, Суть
РЕКУщих⁹; из Мира составлены, Речью составлены мы*. О
том сказано: «Смерть и жизнь — во власти языка, и любящие его вкусят
от плодов его» (Прит. 18:21).

В речи — Мир, Предмет главный наш; *речь — и есть Мир*. С тем,
попытки создания Единой теории Поля — Вселенной, Простора очей и
Стези душ к Творцу — тщетны в физике, знании трупном: Природе,
безглавой трудом Аристотеля, форме (санскр. рупа) бессутней¹⁰. *Теории
сей Оплот — Речь: Мир в устах, Полнота*.

¹ Древность, иль STAR'ина землян — Древа пора: Мира, зрячих Огня, Богом, Корнем живимого. Люди в ней видели Мир.

² Завет дав нам:

...всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают... (Мф. 23:3).

Людям этим двояным Любвь, Мира Закон — AMOR'альность: Вражда — закон их, кою лживо Любовью зовут.

³ Ab-sol-ut — «отрешенное от [Всего]» (лат.): Бог, Иное иных; Абсолютность — Мир, Дитя Его. Относительность бренья — ход его от Вечности, Мира, вторичность пред ней как Истоком себя.

⁴ О сей г' LAW'ности Луны Земле и земным нам Блаватская пишет:

Луна является спутником Земли лишь в одном отношении, именно, что физически Луна вращается вокруг Земли. Но во всех других случаях именно Земля есть спутник Луны, а не наоборот. Как бы ни было поразительно это заявление, оно не лишено подтверждения со стороны научного знания. Оно подтверждается приливами, периодическими изменениями во многих формах болезней, совпадающими с лунными фазами; оно может быть прослежено в росте растений и ярко выражено в феномене человеческого зачатия и процесса беременности. Значение Луны и ее влияние на Землю были признаны каждой религией древности, особенно еврейской, и были отмечены многими наблюдателями психических и физических феноменов. Но пока что наука лишь знает,

что воздействие Земли на Луну ограничивается физическим притяжением, заставляющим ее вращаться в ее орбите. И если бы возражатель настаивал, что этот факт, сам по себе, достаточное доказательство, что Луна действительно является спутником Земли и на других планах действия, можно ответить, задав вопрос — будет ли мать, которая ходит вокруг колыбели своего ребенка охраняя его, подчиненной своего ребенка или же зависящей от него? Хотя, в одном смысле, она его спутник, тем не менее, она, конечно, старше и полнее развита, чем ребенок, охраняемый ею. // Следовательно, именно Луна играет самую большую и самую значительную роль как в образовании самой Земли, так и в населении ее человеческими существами. Лунные Монады или Питри, предки человека, становятся, на самом деле, самим человеком.

Е.П. Блаватская. Тайная Доктрина. Космогенезис
http://ezoteric.polbu.ru/blavatskaya_doctrine/ch11_iv.html

(выделения в тексте — мои)

⁵ Огнь и **очи** — единство, вне коего нет их: огнь сущ, дабы зреться очьми, очи — чтоб зреть его. Огнь глаз наших, **Луна** — **Свет****оч** их: Лампа-Жизнь, **Синема** сущих нас.

⁶ Его **Синтез** как **Син**, бог Луны, **стези** нашей **Маяк**.

⁷ Глаз как **цельный** зрачок, **без изъёма Луна** — око Гостя Земли сей, антропа Всего.

⁸ Подменивший Единое Общим как **Сердце** умом пустым, кучею Камнь, Аристотель дал часть за состав нам: обломок за Дом, — Мир **разъяс** в тем в очах.

⁹ Мир — Река, куда, рек **Гераклит**, нельзя нам войти дважды: ведь **в ней мы от века как капли ее**.

¹⁰ От **физики** (**фюзис** — **природа** (греч.): Мир **при** Творце, **Роде** (стар.)) как от корня идет вся наука дней сих и в ней вся как в истоке поток.

Опорные пункты Теории

1. Единой теории Поля Предмет — Мир (**Вселен**ная), Бога Дитя: **Л**оно сущих, **П**ростор их и к Богу Стезя.
2. Бог — **Лю**б**о**вь, Сила сил сущих; Мир — Сила эта как Плод.
3. Мир есть Всё, Абсолютность; мир сей — относительность: бренье как Вечности — Мира, Огня — тень.
4. Ошибка Эйнштейна: Теорию **Мира** взыскупя, явил он труд **мира сего**: без Огня тени как тьмы **безлун**ной.
5. Единство Сего и Того, Мир, дано нам их скрепой, **Луно**ю как ликом Творца в мире сем. Зримый мир — колесо на Оси, **Лу**не; Ось Мира **пол**ного — Бог.
6. **Лю**ди Мира — **раз**умные Богом **Ан**т**роп**ы Сего и Того как ряд их, **Лу**ной **цел**ный; Земли человек — часть его.
7. Мир без Бога, науки дней новых ку**мир** — безго**лов**; цельный Мир — ныне **Тай**на. Лишь **Сло**во, сосуд Всего, явит его нам. Познание — Любовь: Слово слов, душ **LOVE**ц, коим жив че'**LOVE**к.

Conceptual footholds of the Theory

1. The Subject of the Unified Field Theory is the World (Universe), God's Creation. It is a Womb of all living, their Wide and the Way to God.
2. God is the Love, Strength of strength; World is this Power as Fetus.
3. The World is Omnes, Absoluteness; this world is relativeness: the clay as the shadow of this Fire, Eternity.
4. The Einstein's mistake in the attempt to create *World* Theory is that he created the theory of *this world*, shadow without the Fire as a moonless darkness.
5. Unity of this world and Other world is given to us by their bracing, the Moon as a face of Creator in this world. The visible world is a wheel on the Axis, Moon; the Axis of the whole World is God.
6. People of the World are intelligent by God Anthropes of this world and Other world as their series, united by the Moon; the human of the Earth is its part.
7. The World without the God is acephality as viewable by contemporary science; the whole World is the Mystery now. Only the Word, the vessel of both, will reveal it to us. The Cognition is the Love: Word of words, Catcher of souls; the human is lives by it.

Приложение 5

Пси, Птица

Душа как крылатая суть

Тайна нашей высокой природы, горящая в Слове

*Приучи душу свою к размышлению:
она скоро будет иметь орлиные крылья.*

Пифагор

Душа, наше **Я** — птица **Божья**;
Полёт — Суть ее: **крыльям** **Цель** и **Простор**,
в **Высь** **влекущий** как в **Глубь**. Он — **лекарство**
душе; Суть — **целит**; «я лечу» — есть «**летаю**»
и «**Небом лечусь**» как Отчизной своей.

Бог дал рúки нам **Действия** **ради**,
день наш — **пора day**'ствья. Но главное
дело лю**дей** — поход к **Богу**, **Вершине**
Вселенной как чистому Я нас: **Возврат** как
Полет в Суть, **Лю|бо|вь**. Посему руки — **к|рыл|ь|я**.

Идущего стезей Познания, **воина** — **во Инь** торящего:
в Бога, Глубь, — Мудрость зовет од**и|н|о|ко**ю птицей*,
чей **к|лю**в смотрит вверх: Глубь — Высь. В этом стремлении —
сущность Креста как Распятия: **длинная вер|ти|к|аль****,
перечеркивающая короткую гориз**онталь** как стрела
в Небо. Сей же порыв — корень полетов детей
во сне: ле**т|а|ют** — значит, **растут**.

Вся **ис|то**рья, тропа в пасть **времен** — путь **отъ|я**тья
нас от крыльев и Вертикали: ключей от Небес, нашей
подлинной Родины. С ними в **разлуке** мы. Но **крылья** наши
и Высь никуда не ушли — они **скрылись** вглубь как **душа**,
сущность наша. Как бабочка в **кокон**е, она таится в нас,
червями сущих на брэнной Земле. Час пробьет —
кокон лопнет, и крылья людей станут **явью** опять.

*Solo-way — стезя (way (англ.)) как песнь одного (со́ло (ит.)).

«Верти к Аль» — «тори к Господу (Аль** (араб.))», сущего **Альфе**.

Имя Псюхе (Психея), душа (БА — Египту), по-гречески — БАБОЧка: птица, крыЛАТая суть. Имя это ее НОвым нам есть метафора — смысл переносный, второй. Но в STAR'ь смысл этот, *Истины в прах переброс, Бога в нуль*, ARES' тотелем¹ данный нам к Розни, не сущ был. Душа была Древним крылата в едИНственном смысле — прЯмом², ведь знал ПРАЩУр:

ДУША, ЧЕЛОВЕК КАК СУТЬ ГОЛАЯ —
ПТИЦА; ПОЛЁТ — YES'THEOS' ТВО НАШЕ:
В БОГА ВОЗВРАТ КАК СЕБЯ САМОЕ.

Лик души посему — буква ПСИ ГРЕКов: ПТИца, к полету раскрывша кРЫЛá. Смысл прЯМОЙ, ДРЕВний³ — птичий, власть крыльев — вСЕЛЕНская власть. Посему Бог египЕТЬский, ЕгипТА Огнь — ПТАХ: Царь душ, горних ПТАХ Его. С тем, че' LOVE'к, первым в Небо, GAGAна (САНскр.), восшедший ДЕРзко — ГАГАРин, ГАГАРа-геРОЙ. Крылья — ОЧи нам: оптиКА — ПТИЦА. АнТРОПЫ ЛУНЫ, ВРАТ НЕБЕС, дУши голые — гЛАЗ господá посему, Миром зрящие Мир⁴, и кРЫЛатые сути, закон чей — Полет, ХОД во ГЛУБЬ: в Бога, Высь: Глубь и Высь есть Одно.

С Небом пРЕЖде един, человек был крылат; пав в ДОЛ НИЦ — стал черВЁМ, РОЗНИ ЖАЛким рабом, гусеНУЦей, кому ПОЛЗать — ПОЛЬЗА. В срок свой — воспарим мы оПЯТЬ в Высь звЕЗДОЙ, ПЯТерицей! Червь — бабочкой станет; МЕТАфора-ложь — станет нам ЦЕЛЬ, МЕТА: ИСТИНА — Бог, ЛЮБОВЬ как Я наше, каким ЦЕЛЫ мы. Душа, ИСКРА ГосподНЯ — стЯгает Творца, Солнце-РА, как ИСТОк, что ИСКать суца, ЛОНо свое, пред каким СКЛОНена АТМА эта, огнь КАНувший, юДОЛЬ исКАНИй чьих ТЬМА — бренья КРУг, ДОЛЬний КРАЙ.

ДУША НАША, ПСИХЕЯ — ПСИ-ГЕЯ: СУТЬ ПТИЦА, ДИТЯ НЕБА,
В КЛЕТКЕ ЗЕМЛИ, ДАННОЙ ЕЙ К ИСПЫТАНИЮ ТЬМОЙ.
ДУША — ПТИЦА, КРЫЛá — НОГИ НАШИ, ПОЛЕТ — НАША СУТЬ.
НА ЗЕМЛЕ СЕЙ ЖИВЯ — НЕБОМ ШЕСТВУЕМ: ЖИТЬ — ЕСТЬ ВИТА'ТЬ.

¹ Данник Ареса, Розни, лишением Бога отсекающий познание людей от Небес: Ум от Сердца, от Целого часть.

² Рек о том ВОЛанд, ДьяВОЛ BULL'таковский: свежесть — второй не бывает вовек. Сердцем ведаёт это дитя, Бога дар сему миру крылатый: http://royallib.com/book/chukooskiy_korney/ot_douh_do_pyati.html

³ Миру (Вселенной) согласный как ДРЕВу, чей Корень есть Бог.

⁴ Исконные нам Люди, жители Неба, Мир зрящие тем, чем он есть; мы же, падшие — зрим Мир безмирьем, нулем: Всё — ничем как дырой от него.

Приложение 6

Человек:

птица Неба в тенётах Земли

Мудрость Слова о горней природе твоей

तत् त्वम् असि или तत्त्वमसि,

*tat tvam asi (санскр.) — «ты есть то»:
не Земля — Небо, не тело — Дух.*

Еще на земле мы шествуем по Небесам.

Апостол Павел

Субъект, имя человека как активного деятеля, буквально означает «причастный ко Глуби»*. Глубь наша — **IN**'ое: Высь — Дола как плоти сугубой; Земли — Небеса.

Че **LOVE**'к дня сего — дитя
Неба, забывшее крылья свои.
С тем, важна **лю**дям Па**м**ять:
то **Мать** их, гласящее Лоно.
Исток вспомнив свой — тем,
земляне, найдем путь Домой.

MY **SKY**'Л (МУСКУЛ) = MY **SCHOOL**:
НЕБО ЕСТЬ СИЛА-ЗНАНИЕ ЛЮДЕЙ.
ЖИТЬ - **VITA**'ТЬ: В НЕБЕ ПТИЦЕЙ КРУ**ЖИТЬ**.

* [https://ru.wikipedia.org/wiki/Субъект_\(философия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Субъект_(философия))

БОГ, **ИШВАРА** (**САН**скр.) — Корнь и **ИС****ТО**к наш:
БОГатство богатств, наше ч**ИС****Т**ое **Я**, Благо под коркой Зла,
скрывшей этот **ОГОНЬ**. **НЕ****БЕС**а, **SVAR** (санскр.), Не**AVEN**
(англ.) — наш **ПРИЧ**ал, где в и**ТО**ге **ШВАР**туемся мы, **AVEN'**ю,
где гулять нам вовек: **У** **ЛИЦА** Бога **УЛИЦА**, Огня про**С****ПЕК**т.
Посему **бОДР**ость нам — **ОДР**: порог с**МЕР**ти, коим шагнем в
Вечность; **FIN**е, отличное (англ.) — нам **ФИН**ал жизни
т**ЛЕН**ной: в Отч**ИЗ**ну в **РА**та.

СМЕРТЬЮ ПОЗНАННОЙ — СМЕРТНОСТЬ ОТРИНЕМ СВОЮ;
в **ЖИЗНЬ**, **ЕДИНОЕ ДВЕРЬ** — **К'ONE'**ц НАШ!^{*}

Бог — Огонь, **РА** (египт.), душа — **ИС****К****РА**
Его: **ИЗ-К-РА** — ход кольцевой от Ист**ОКА**
сего и назад, в Корень свой.

^{*}О смерти как истинном Благе (с тем — Цели) всех смертных см. здесь:
<http://fb2.booksgid.com/content/73/cunetomo-yamamoto-hagakure-sokrytoe-v-listve/1.html>

НЕБ^о, ВЫС^ь, есть Ед^иНОЕ — РОДИН^а наша, Дух, Цикл, КОЛ^о (ст.-слав.), от^иКОЛ^е s'VIS'аем мы, люди, как буквы в САНСКРИТ^е с ОСНОВ^ы, Оси (VIS'ь (укр.)) их, бранным — СНА[;] Сила, VIS (лат.) как МУ'СКУ'лы к РЫЛ^ь, данных нам воспарить в ТО^к как Глубь (ведь Высь — Глубь), Собой стать. Небо — ŠKOL^а (чешск. школа), отколе мы СКОЛ^{оты} РА^{не}, по коей ТО'СКУ'ем, SKY'лим как по РАДОСТИ ТА'йной в стремленьи ДОСТИ'чь — в корне SKY'фы, СКОЛ^{от}ы¹: с ЛУН^ы, МЕН^ы (греч.) СЕМЕНА^к как в РА^т в РА^к Бога сущих, и в Мир, Его ПОЛЕ^е, чье имя есть Небо² (с тем, Скифам СТОЛИЦ^{ей} И'SKY'за была: г РАД ИЗ CAUS'ы, П РИЧ ИН'ы с ТО^л). ЛЕПОте сей, в нас т АЙН^{ой}, мир бранный сей — с-к-ЛЕП^ь.

Неба сын — КИФ^{аред} А ПОЛ ЛОН^ь, стре'LOVE'ржец его как ПОЛ-ЛОН^а сего, ПОЛОН^{им} как с^{осуд} своей Сутью: Ум Сердцем, ВИН^{ом} мудреца; ФЕБ^а сын — Э'SKY'лап, иль А-с-к-ЛЕП^{ий}, ЛЮ БО^{вь}ю лечивший ЛЮДЕЙ: ЦЕЛ^{ым}, ЦЕЛ^{ью} ЦЕЛ^я падших сих: дрЕВ^о Корнем, Ис^{ТО}ком рек^у. Феб — при ВРАТ^{ник} Луны, Неба ст РАЖ^ь, ВРАТ^ь мастак³ (месяц чей есть ФЕБ-ВРАЛ^ь), дух крепящий к Пути. С ИИСУ^{сом} единый, ведет этот SKY'ПЕР ДО^{МОЙ} нас, ПЕР^{натых}, с ТЕЗ^{ею} кривой — пупо ВИН^{ой} ВИТ^{ою} Любви, властной и укре ПИТЬ^ь и убить⁴ (ведал кою СОК РА^т, Феба глас, по'ВИТ'ухи дитя): С МЕРТ^ь с Любовью — одно.

Небом всякий велик (МАХА^а (санскр.)); кто кры ЛАТ^{аяву} — МАГ^ь, суть МА^{стер} МАХА^{ть}, ПИЛИ ГРИМ⁵ в ЛУН^у, МАХ ^(авест.), бранных нас МА^{ть}, где ТА^{им} Мир, ВаЛУН^ь, КАМ^{ЕНЬ} КАМ^ы, Любви — сущих ИСТИН^ы, АМЕН ^(лат.), душ VIS'оты. Мир, Глубь наша — нам К РЫЛ^ь Я; СЕЛЕН^{ой}, Луною СИЛЕН^{че} LOVE'к как Любовью, Ист ОКО^м своим.

Небо — поле Любви, человек — Ее семя; возросши г ЛАВ^{ою}, ВЕР^{нется} он в ПОЧ^{ву} свою: ОЧ^и — в Мир, для них сущий, ЧАСТ^ь — в ЦЕЛ^{ое}, Космос как ЦЕЛ^ь и SPACE'ные ее⁶. Небо, Высь сущих — имя его.

¹Самоназвание Скифов.

²«Все те, кто поистине уходит из этого мира, идут к Луне. (...) Поистине Луна — это врата небесного мира», — гласит Каушитаки-упа^{ниша} (I, 2).

³Прозванный за кривые о^{пакулы} Док^{сием}, Кривым (п^{итым} как докон).

⁴В теории космонавигации известна как улитка Шам^{пен}.

⁵Тот, кто п^{илит} грим^ь свой, плоть пустую, над ней в Дух как Суть, Я свое, восходя.

⁶С тем, фамилия мужа, учившего так, Циолковский — Цел^{ковский} по корню его родовому: слуга Полноты.

Приложение 7

ЗОЛОТАЯ СТРЕЛА

Прямизна как оплот Человека

*Стойкость пред внешним
гнетом есть камень Сути нашей,
характер*: Дух, горный Актер
в маске плоти людской.*

*«Хар», «хор», «гор» — Огня корни. Харизма — огонь-власть; хорошо — с огоньком; хор — согласие: единство в Огне, Сути всех; горный — край огневой: Бога, Пта (египт.) область, Чердак (укр. горіще) всего, Дух как сущего Крыша (укр. дах). Гор Египта — Феб Греции: Огнь во плоти.

*Не стоит прогибаться под изменчивый мир —
Пусть лучше он прогнется под нас!*

Андрей Макаревич

Англ. **AR|ROW** — **стр**ела, **NARROW** — узкий.
Единство сих слов — путь наш в То,
один|о|кий полёт: о**стр**ый, узкий, пр**ям**|о**й**.

Прямизна есть с|тр|е|мление в Бога — в Лю|бовь,
сущих Цел|ь, коей цельна Ан|тр|о|па Тропа: с|тр|ела
в То, гер|оизм наш — жизнь, Смер|тью прямая как
с|т|ер|жнем, чей Яма есть бог. Прямизна — ямизна:
Тьмой, Нодем как Провалом единство: так Брун|о
пред казни костром — мо|нолит. См|ерть, Любовь —
Тьма одна, сущих С|толп, коим прямые они: Я|ма —
Я МА|ть, Ть|ма-Ноль; умереть — есть пре|ста|вить|ся:
в То из Сего пере|ставить себя, сох|ранив Прямизну.

С древних пор Прямизны явь — ко|лонны, Любви
с|трелы в Высь, Лоно сущих: мы, лю|ди. Любвию
прям А|поллон, при|мер наш, стреLOVEржец
Лу|ны — Любви, Ма|тери всех, в Нее целящ: часть —
в Целое, в Лоно — пол-Лона сего. Артемиды*,
сестры Феба, лучницы х|рам, столп Семи** — явь
сей Сути нас, Ищущих: стрелы — все стены его.

*«Искусная в стрельбе»: art — искусство (англ.), middle — средна: «десятка» Вселенной
в мишени глаз наших как Сердца всего, Десяти (числом сим зрил ее Пифагор).

**Семерицы чудес сего мира: одно из них — он.

Че'LOVE'к в сути вечной своей есть Любовь, Стре|ла в Бога летящая; быть человеком — всходи|ть как росток в То, Себя, кое Бог. Любовь — Бог, Цель; Любовь — и стре|мление к Ней, лик чей стрела. Явь сему — стре'LOVE'ржцы благие: ERO'т, Любовь-Суть, Круг, и Феб-Аполлон, Любовь-форма, Ква|дра|т¹ (табл. 1). Пря|мизна (s|tra|ightness (англ.)) — Любви лик, в теле бренном, тьме Двух, явный дважды: по горизон|тали и по верти|кал|и²; с тем, чтит Пифагор квадрат как знак до|сто|ин|ства — силы сто|ять пред злом. Истин|но любящий — прям как стрела: г'ERO'й, в Бога ходок. Тело наше, дань бренью, горбато — в утрате стрела как излом, Бога чуждость: ползти — не парить ее труд; горб — кле|й|мо Аполлона: удел не в|зой|ти в То как Высь, дней ИТо|г, а загнуть|ся, как Локс|ий³ велел. Тело Гостя, В|селен|ной гонца — стрела полная: Любовь как Тело-и-Дух.

Суть нагая, Круг — Сер|дце; прокров ее — Ум как как кость-ум: плоть, Квадрат как души урна в днях. Кост|ю|м Гостя есть Ум как слуга. Богом полный; наш — Ум-царь, пустой Сан|ан|юю, дырой от Творца. Роль плоти нашей умной — сокрыть|е души, искры Божьей как сути ан|тро|па: костюм непрозрачный; сердечной плоти роль — сиянь|е души в ней, прозра|чной как Ум, Сердцу верный: Квадрат-Круг, душа нагишом. Ведь Круг — Суть, Квадрат — форма, квадратная, ибо кругла; слитность их, антроп кру|г|д|ый — квадратен. С тем, тело, одет в кое Гость — явь Квадрата: пр|ма| вертикаль|ю хребта как фал|л (наше ж — изгиб, горб как зр|об| нам⁴), и горизонталь|ю — без свода стопа как прогиба под бренье, чужд коего Гость как Бессмертья часть: То, госуда|рь Сему (нам — вид сей есть плоскостоп|ье, изъ|я|н наш: из Ян — Инь торчащ, из тьмы Огнь), Узлу — Круг, явный в нем. Не сто|на Гостя в|то|рит среде — та ей, царской, внима|ет покорно, боясь как под|сти|лка — Столпа (табл.2).

Плоть Гостя есть лунный костюм: проявитель души, ей согласный как Ум Сердцу; костюм земной, наша плоть — рознь душе и таитель ее: Ум-нарцисс.

¹ Стрелой сребролукого Феба златой с острием из серебра был Нил Армстронг, стяжавший дом Бога, Луну как Латону, мать Феба, металл чей — серебро (англ. luna). Челн могучий его — «Аполлон» посему.

² «Верти к Аль», Богу (араб.) — тори путь к Нему.

³ Кривой (греч.). Эпиклеса (священное прозвище) Феба.

⁴ С тем, горб в смысле древнем — спина вся; «нести на горбу» — на спине целой несть, на себе.

Таблица 1

Человек как Любовь: Прямизна, Стрела стрел

Человек как Эрот	Человек как Аполлон
Стрела как Суть: Тайна, То	Стрела как форма: явь глаз бранных, Это

Таблица 2

Прямизна в плоти Гостя и Землянина

Прямизна	Космит, Гость: царь среды, Сёрдца Ум	Homo sapiens, Землянин: раб среды, Ум Ума
По вертикали: хреб ет	В наличии: хребет истинно прям	Отсутствует в норме: хребет имеет изгиб покорства, пружинающий в лад среде
По горизонтали: стопа	В наличии: стопа пряма по-господски	Отсутствует в норме: стопа имеет свод — изгиб покорства, страха пред землей

Таблица 3

Частота Прямизны: мы и Гости

Прямизна в Антропе	Частота ее	
	В Гостях	В нас
По форме	Всегда	Изредка — как аномалия
По сути	Всегда	Иногда — в аномалии героизма

**Человек сей Земли, бренья червь — раб среды,
ей подвластный. Космит, антроп-Вечность —
среде господин, колеса перемен ее ось. Он безвек,
ибо пыль сего мира боится очей его; он плоскостоп,
ибо стоп его царских боится земля, прогибаясь им в лад.**

Прямизна-вертикаль **столпа** тела, **перпендикуляр** — знак, что **форма** его, **рупа** (санскр.) — **г|руб**ка Духа к соитию Сего с Тем, меж коих мы **мо|ст**: путь **к|ра|т**чайший в Себ|Я нам, шел коим **Со|крат**, **со|крат**итель Стези. С тем, англ. **most** — превосходство: знак роли **с|вер**шенной людской как моста и **з|вена** — **в|ен**ы Духа как **К|ров**и, без коей мы **г|руп**. Чем прямей мост, тем более **С|в|Я**зь и **целёй нами Мир как собою самим**. Речено же:

Пылиной, может, быть, считаешь человека
И признаков иных не замечаешь в нем?
Нет, части двух миров содержит он от века
И помещен меж них связующим звеном.

Абу-ль-Касим Фирдоуси Туси. Шахнаме

Человек, писал Вл. Соловьев, есть звено связи между божественным и тварным миром, в нем «природа перерастает саму себя и переходит (в сознании) в область абсолютного». Познать Звеном себя, **г|руб**кой **Г|рех** — стать нам космитом как Гость, антроп-Мир. О том сказано:

*...высший, т.е. солярный, человек просветит свое тело до удельного веса воздуха... для этого выработает свое тело в **трубчатое тело**, т.е. воздушное, более того, в эфирное, т.е. наилегчайшее тело (выделено мною — Авт.).*

А.В. Сухово-Кобылин. К летанию

Бердяев сказал:

«В человеке есть двойственность: человек есть точка пересечения двух миров, он отражает в себе мир высший и мир низший», «он несет в себе образ, который есть и образ человеческий и образ Божий и есть образ человеческий в меру того, как осуществляется образ Божий».

Фрагменты работ «Мое философское мировоззрение» и «О рабстве и свободе человека»

Чело|век — **чело** **вверх**, в Тьму, как фалл-копие в Лоно это. **О|в|иди**й о нашем явлении в мир сей рек:

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,
80 Иль молодая земля, разделенная с горним эфиром
Только что, семя еще сохранила родимого неба?
Отпрыск Япета*, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем как, склонясь, остальные животные в землю
85 Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.

Метаморфозы

* Прометей

Призванье сие, т^айн^о в нас — я^вь в Гостях, кои истинны слуги Господни: *Служить — есть
Едино ради собой, как звеном, единить То и Это*; в том — суть Прямизны. Рек поэт:

Я землі цієї паросток зелений,
Я цієї висі крапля дощова.
Заплелись у мене, приросли до мене
Жито і дерева, квіти і трава.

Ні, для мене щастя іншого не треба,
Хоч, бува, тривога очі обпече,
Лиш би рідний колос, лиш би рідне небо
Опускали руки на моє плече.

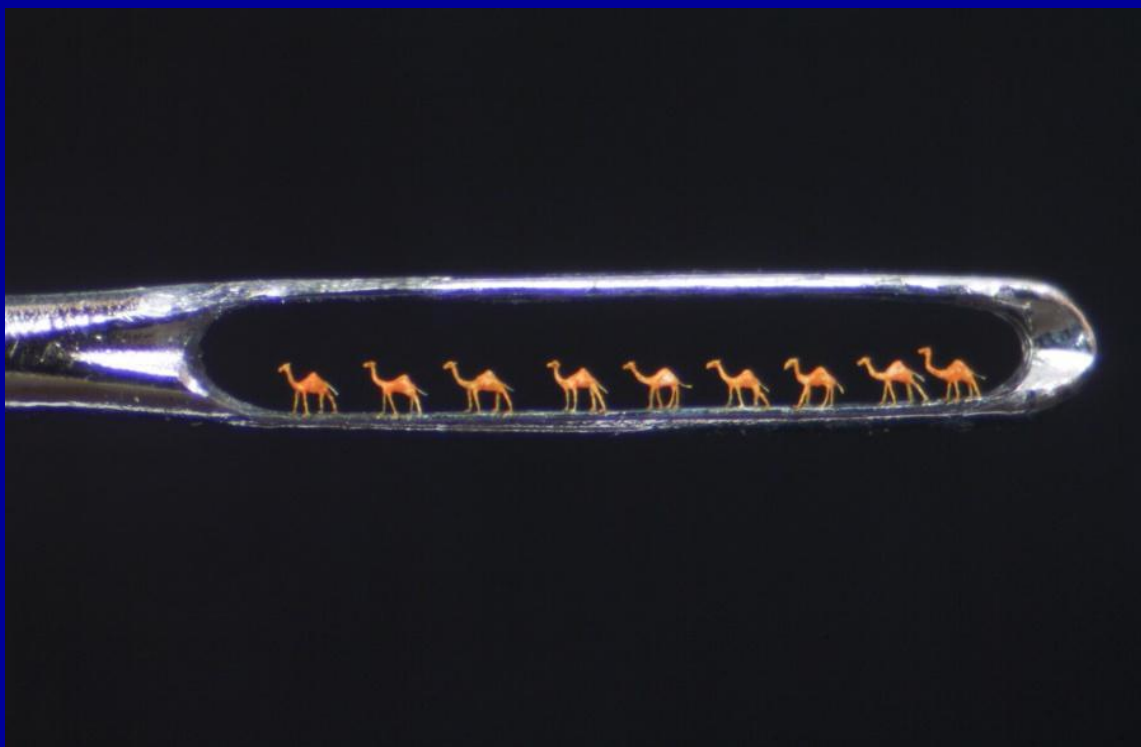
Вадим Крищенко

Приложение 8

К БОГУ ЧРЕЗ ИГОЛЬНОЕ УШКО

Сакральный смысл Служения

*В мире сем, где царь ложь, Истина — Наименьшее.
С тем-то и ищем ее мы подобно игле в стоге сена.
Найти ее нам — скинув лишнее, стать как она.*

*Задача познания Себя, возглашенная
Дельфийским оракулом как главный
труд наш, есть труд очищения нас
от налета стороннего на тверди Суты*,
вершимый единственным способом:
безжалостным и добровольным
продавливанием души чрез Узкие Врата.*

**Иллюзии как пелены, скрывшей эту Реальность.*

*Пифия, восседающая на медном треножнике над дырой в Нижний мир
в храме Аполлона Пифийского в Дельфах.*

Согласно легенде, в Иерусалиме одни из ворот
назывались Игольное ушко: верблюд в них мог пройти
лишь со снятой поклажей и без наездника.

СлУЖЕНье есть к БОгу полет одИНОКий:
СТЕЗЯ, птица чья Человек, при ИНОм SOLO-WAY.
ЖИТЬ — слуЖИТЬ: ПЕТЬ идя, чтоб уСПЕТЬ
до уСПЕНЬЯ в ЗОЙти в Дом-без-сна¹.

**ЧЕЛОВЕК
СОЛОВЕЙ**

Бог есть СЕРдце ВСЕЛЕНной как ЦЕЛь, коей ЦЕЛы мы;
Путь — Ум при Нем². В Лоно, ИНь (кит.), сТУпая сие,
человек — ВОИН. Высь, Цель есть ГлУБь; воин —
РОЮщий в НЕБО: ГЕРОЙ, ГЕний кРЫЛ как ЕРО'та
SOL'дАт. Сердце чтить — Сердцем быть:
слУЖа Богу — мы в Боге УЖЕ.

Одинокость — поход нагишом: сутью голой СВОей
без иНОГо — в РАЙ Божий. Так НАГ САМ-У-РАЙ. СМЕРТи
друг (ДВЕРь — она), трУДный путь ищет он — УЗкий
в днях: УЖЕ — значит ВЕРней погрУЖЕние, мУЖЕства труд.
Лоно, Тьма — Тяжесть, ГрУЗ: ПУЗо Пана (PUS (инд.-евр.)),
Мир, к ГосПОДУ ПУТь. УЗость — УЗЫ д' USH'у и УЗДА,
ТЕСНОта как ЛЮБОВь, сущих МУЗЫКА: СáUS³, мощь
МУЖИКА, Ума — Сердце. СЛУЖЕНЬЕ — СУЖЕНИЕ: в ТОЧку
как Суть, коя Бог, вечный СУЖЕНЬИЙ наш; стезя ДОЛЖная —
ГОЛых и ГОЛка с USН'кóм горних ВРАт как скрЕБком,
что сДИРАет с ЛЮДЕЙ ШЕЛуху (ибо ТЕРнии, ТРУДНОсти —
ТРУт как наЖДАк): с Я не-Я, — чтоб слились с Богом мы.

Ибо Я наше — Он.

¹ Сон есть обратимый отход души в Вечность к дыханью сей Сутью: мир дольний —
уДУШье ДУШи. Вшедший в Рай, Небом ставший — не спит: сон он сам.

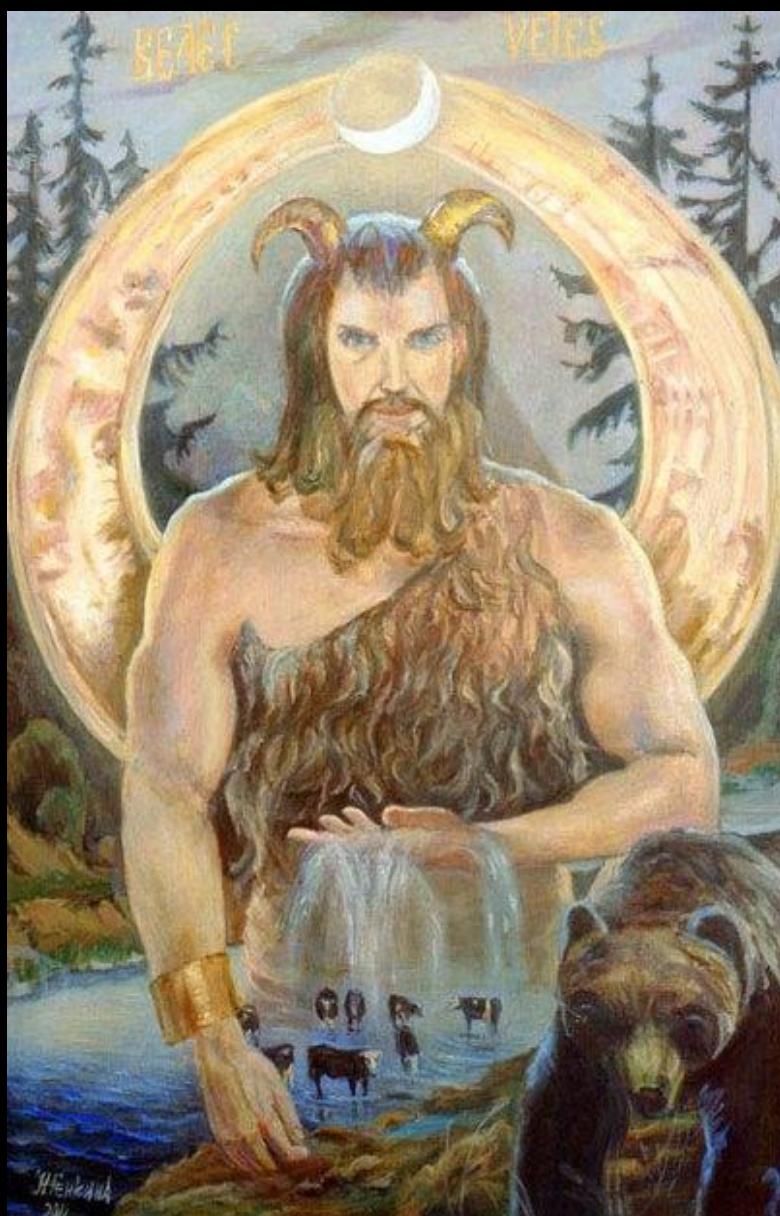
² Ум Сердца, Слуга — антипод себялюбца Ума Ума, Тупика как дыры от Пути.

³ Причина (лат.).

Приложение 9

Вожак в Иное

Кто такой бог Велес

Реальнее нас. О богах

Боги древние нынче забыты людьми, мнясь за выдумку их. Но они — есть как прежде, и власть их все так же сильна.

Глуп безбожник, не чтящий Творца, ведь у Мира есть, истинно, Автор. Причина всего, Бог — Одно, но, родив Два, творит тем **причины как множость Себя**: Бог — богов, мощь Свою (табл. внизу).

Мнить смешно их не сущим: бессмертные — вечны. То — корни души, камни Я, что звал Юнг архетипами: живы они — есть и мы. Без причин, как и Автора их, мы ничто, и не мы их родили — они нас. С тем, в жажде знать Мир не чурайтесь богов — чтите их, корни ваши. И боги дадут Знание вам.

Таблица

Бог и боги: их сущность и связь

Сущность	Бог, Господь Всевышний	боги
Что́ есть она	Причина как Одно	Причина как многое
Ранг в Бессмертии	Предвечный	вечные

ВЛЕКУЩИЙ БОГ

*Велес — бог трех миров (Прави, Яви и Нави),
свободно перемещающийся между ними. Мать
Велеса — священная Небесная Корова **Земун**,
созванная Родом (Всевышним) на заре времен.*

Мифологическая справка

Veloz

Бог Велес, отец снов и сказок — бог дивных
историй, разящих наш ум. Диво пленных
лжи — **Истина**, сущего Мать. Диво нам, **крыльев**
чуждым — **воз|в|ра|т** наш в **ЛУНУ**: в Вечность,
ДОМ наш исконный как **ЗЕМ**лю всех сущих.
Его как **MOON|HOUSE|N** древний судил
сын **ЗЕМ' MOON** Велес нам как **ра|бо|ту** работ.

<https://www.youtube.com/watch?v=9fNzaCII0Ag>

Велес: кто он таков

Познание Себя — ДЕЛО ГЛАВное нам: ТРУд, реченный ДЕЛЬфийским ОРАкулом в 'STAR'ь. Стезя его, по ДРЕВним, есть путь от Земли, брэнной нашей юДОли, к Луне, в|РА|там в ТО, Сути нашей черТОг. ВЫСь, Глубь сущих — ВИСь (укр.): ОСь, от КОЛ|ь мы с'VIS'аем как букв ДЕВанаГАРИ хор. Путь круТОй к ней — Иакова л'EST'ница, тРАКт Иоанна, чей праздник — апреля 12-й день. В день сей ею взошел в Высь ГаГАРИн, открыв путь к Луне, чтоб взошел АрмсТРОНг им: послом с|МЕР|тных — ко д|ВЕРи в Себя.

В пути сем сам себе всяк РА|Кета: то — Духа стезя, коей вел нас, землян, Феб к Луне, своей МАтери (ГИПЕР|БОРЕЯ, ЦЕЛь его — «над с'EVE'ром сеВЕР»: над МАковкой Земли — Луна), а МАнил из врат сих — ДИОнис, Луны РАК, в Дом сей влезший лозой и плутом.

Бог древний наш ВЕ|ЛЕС (В|ЛЕ|С, ВО|Л|ОС) — стези ЛуНной бог, в Высь ВЛЕкущ, вожак в То как в IN'ого КОЛ|О|ДЕЦ (англ. WEL|L) — в ПолНость, ДЕСять как Благо (WEL|L).

Имен сих корни есть знаки тому:

- ВЕЛ — ВЕличье-ВЛАСть: сила ВЕСтí, К|ОР|Мчим быть;
- ЛЕЗ, ЛОС (ЛОЗ) — корни ЛЕЗущих: так лезет ЛЕЗвие вглубь, из земли — ЛЕС с ЛОЗой, Высь любя; лезут ЛЕСть, мед-яд, в нас и БО|ЛЕЗ|нь; так влезает по ЛЕСтнице; так из ТвОрца, К|ОР|ня сущих, растет как ДИ|ТЯ ДРЕВо-Мир;
- ВОЛ — суть ВОЛя: Ум как из ГЛАВы, Сердца, ВОЛОС растущий, ВЛАС (стар.): Явь из ТАЙНЫ как Сути, из Бога ДИ|а|ВОЛ, ВтОрой. Велес с тем — бог ИСКонный, что ВЕЛ нас к Луне и сам ЛЕЗ к ней примером с|в|Я|тым; бог ВОЛОВий — умов как быков п'OVO'дырь к Луне, Сердцу, К|ОР'|OV'е у ДРЕВних; бог лезущий в Высь, — но и ВЛЕЗший, л'UN'ой став как Вакх, бог-жРАнитель ее, и Пан (греч. to pan — всё): Мир, Дом сущих, в единстве Того и Сего. Книга Велеса, бога Познания, с тем — книга о том, как взойти нам к Луне и войти в Глубь ее, тем стяжавши Себя.

Приложение 10

Превращение

Рэй Брэдбери

"Ну и запах тут", - подумал Рокуэл. От Макгайра несет пивом, от Хартли - усталой, давно не мытой плотью, но хуже всего острый, будто от насекомого, запах, исходящий от Смита, чье обнаженное тело, обтянутое зеленой кожей, застыло на столе. И ко всему еще тянет бензином и смазкой от непонятного механизма, поблескивающего в углу тесной комнатухи.

Этот Смит - уже труп. Рокуэл с досадой поднялся, спрятал стетоскоп.

- Мне надо вернуться в госпиталь. Война, работы по горло. Сам понимаешь, Хартли. Смит мертв уже восемь часов. Если хочешь еще что-то выяснить, вызови прозектора, пускай вскрыют...

Он не договорил - Хартли поднял руку. Костлявой трясущейся рукой показал на тело Смита - на тело, сплошь покрытое жесткой зеленой скорлупой.

- Возьми стетоскоп, Рокуэл, и послушай еще раз. Еще только раз. Пожалуйста.

Рокуэл хотел было отказаться, но раздумал, снова сел и достал стетоскоп. Собратьям-врачам надо уступать. Прижимаешь стетоскоп к зеленому окоченелому телу, притворяешься, будто слушаешь...

Тесная полутемная комнатуха вокруг него взорвалась. Взорвалась единственным зеленым холодным содроганием. словно по барабанным перепонкам ударили кулаки. Его ударило. И пальцы сами собой отдернулись от распростертого тела.

Он услышал дрожь жизни.

В глубине этого темного тела один только раз ударило сердце. Будто отдалось далекое эхо в морской пучине.

Смит мертв, не дышит, заостенел. Но внутри этой мумии сердце живет. Живет, встрепенулось, будто еще не рожденный младенец.

Пальцы Рокуэла, искусные пальцы хирурга, старательно ощупывают мумию. Он наклонил голову. В неярком свете волосы кажутся совсем темными, кое-где поблескивает седина. Славное лицо, открытое, спокойное. Ему около тридцати пяти. Он слушает опять и опять, на гладко выбритых щеках проступает холодный пот. Невозможно поверить такой работе сердца.

Один удар за тридцать пять секунд.

А дыхание Смита - как этому поверить? - один вздох за четыре минуты. Движение грудной клетки неуловимо. Ну а температура?

Шестьдесят. (По Фаренгейту, т. е. около 16С. - Ред.)

Хартли засмеялся. Не очень-то приятный смех. Больше похожий на заблудшее эхо. Сказал устало:

- Он жив. Да, жив. Несколько раз он меня едва не одурачил. Я вводил ему адреналин, пытался ускорить пульс, но это не помогало. Уже три месяца он в таком состоянии. Больше я не в силах это скрывать. Потому я тебе и позвонил, Рокуэл. Он... это что-то противоестественное.

Да, это просто невозможно, - и как раз поэтому Рокуэла охватило непонятное волнение. Он попытался поднять веки Смита. Безуспешно. Их затянуло кожей. И губы срослись. И ноздри. Воздуху нет доступа...

- И все-таки он дышит...

Рокуэл и сам не узнал своего голоса. Выронил стетоскоп, поднял и тут заметил, как дрожат руки.

Хартли встал над столом - высокий, тощий, измученный.

- Смит совсем не хотел, чтобы я тебя вызвал. А я не послушался. Смит предупредил, чтобы я тебя не вызывал. Всего час назад.

Темные глаза Рокуэла вспыхнули, округлились от изумления.

- Как он мог предупредить? Он же недвижим.

Исхудалое лицо Хартли - заострившиеся черты, упрямый подбородок, сощуренные в щелку глаза - болезненно передернулось.

- Смит... думает. Я знаю его мысли. Он боится, как бы ты его не разоблачил. Он меня ненавидит. За что? Я хочу его убить, вот за что. Смотри. - Он неуклюже полез в карман своего мятого, покрытого пятнами пиджака, вытащил блеснувший вороненой сталью револьвер.

- На, Мэрфи. Возьми. Возьми, пока я не продырявил этот гнусный полутруп!

Макгайр попятился, на круглом красном лице - испуг.

- Терпеть не могу оружие. Возьми ты, Рокуэл.

Рокуэл приказал резко, голосом беспощадным, как скальпель:

- Убери револьвер, Хартли. Ты три месяца проторчал возле этого больного, вот и дошел до психического срыва. Выспись, это помогает. - Он провел языком по пересохшим губам. - Что за болезнь подхватил Смит?

Хартли пошатнулся. Пошевелил непослушными губами. Засыпает стоя, понял Рокуэл. Не сразу Хартли удалось выговорить:

- Он не болен. Не знаю, что это такое. Только я на него зол, как мальчишка злится, когда в семье родился еще ребенок. Он не такой... неправильный. Помогите мне. Ты мне поможешь, а?

- Да, конечно, - Рокуэл улыбнулся. - У меня в пустыне санаторий, самое подходящее место, там его можно основательно исследовать. Ведь Смит... это же самый невероятный случай за всю историю медицины. С человеческим организмом такого просто не бывает!

Он не договорил. Хартли прицелился из револьвера ему в живот.

- Стоп. Стоп. Ты... ты не просто упрячешь Смита подальше, это не годится! Я думал, ты мне поможешь. Он зловердный. Его надо убить. Он опасен! Я знаю, он опасен!

Рокуэл прищурился. У Хартли явно неладно с психикой. Сам не знает что говорит. Рокуэл расправил плечи, теперь он холоден и спокоен.

- Попробуй выстрелить в Смита, и я отдам тебя под суд за убийство. Ты надорвался умственно и физически. Убери револьвер.

Они в упор смотрели друг на друга.

Рокуэл неторопливо подошел, взял у Хартли оружие, дружески похлопал по плечу и передал револьвер Мэрфи - тот посмотрел так, будто ждал, что револьвер сейчас его укусит.

- Позвони в госпиталь, Мэрфи. Я там не буду неделю. Может быть, дольше. Предупреди, что я занят исследованиями в санатории.

Толстая красная физиономия Мэрфи сердито скривилась.

- А что мне делать с пистолетом?

Хартли стиснул зубы, процедил:

- Возьми его себе. Погоди, еще сам захочешь пустить его в ход.

Рокуэлу хотелось кричать, возвестить всему свету, что у него в руках - невероятная, невиданная в истории человеческая жизнь. Яркое солнце освещало палату санатория; Смит, безмолвный, лежал на столе, красивое лицо его застыло бесстрастной зеленой маской.

Рокуэл неслышными шагами вошел в палату. Прижал стетоскоп к зеленой груди. Получалось то ли царапанье, то ли негромкий скрежет, будто металл касается панциря огромного жука.

Поодаль стоял Макгайр, недоверчиво оглядывал недвижимое тело, благоухал недавно выпитым в изобилии пивом.

Рокуэл сосредоточенно вслушивался.

- Наверно, в машине скорой помощи его сильно растрясло. Не следовало рисковать...

Рокуэл вскрикнул.

Макгайр, волоча ноги, подошел к нему.

- Что случилось?

- Случилось? - Рокуэл в отчаянии огляделся. Сжал кулак. - Смит умирает!

- С чего ты взял? Хартли говорил, Смит просто прикидывается мертвым. Он и сейчас тебя дурачит...

- Нет! - Рокуэл выбивался из сил над бессловесным телом, пытался впрыснуть лекарство. Любое. И ругался на чем свет стоит. После всей этой мороки потерять Смита невозможно. Нет, только не теперь.

А там, внутри, под зеленым панцирем, тело Смита содрогалось, билось, корчилось, охваченное непостижимым бешенством, и казалось, в глубине глухо рычит пробудившийся вулкан.

Рокуэл пытался сохранить самообладание. Смит - случай особый. Обычные приемы скорой помощи не действуют. Как же тут быть? Как?

Он смотрит остановившимся взглядом. Окостенелое тело блестит в ярких солнечных лучах. Жаркое солнце. Сверкает, горит на стетоскопе. Солнце. Рокуэл смотрит, а за окном наплывают облака, солнце скрылось. В комнате стало темнее. И тело Смита затихает. Вулкан внутри успокоился.

- Макгайр! Опустить шторы! Скорей, пока не выглянуло солнце!

Макгайр повиновался.

Сердце Смита замедляет ход, удары его опять ленивы и редки.

- Солнечный свет Смигу вреден. Чему-то он мешает. Не знаю, отчего и почему, но это ему опасно... - Рокуэл вздыхает с облегчением. - Господи, только бы не потерять его. Только бы не потерять. Он какой-то не такой, он создает свои правила, что-то он делает такое, чего еще не делал никто. Знаешь что, Мэрфи?

- Ну?

- Смит вовсе не в агонии. И не умирает. И вовсе ему не лучше умереть, что бы там ни говорил Хартли. Вчера вечером, когда я его укладывал на носилки, чтобы везти в санаторий, я вдруг понял - Смигу я по душе.

- Бр-р! Сперва Хартли. Теперь ты. Смит тебе сам это сказал, что ли?

- Нет, не говорил. Но под этой своей скорлупой он не без сознания. Он все сознает. Да, вот в чем суть. Он все сознает.

- Просто-напросто он в столбняке. Он умрет. Больше месяца он живет без пищи. Это Хартли сказал. Хартли сперва хоть что-то вводил ему внутривенно, а потом кожа так затвердела, что уже не пропускала иглу.

Дверь одноместной палаты медленно, со скрипом отворилась. Рокуэл вздрогнул. На пороге, выпрямившись во весь свой немалый рост, стоял Хартли; после нескольких часов сна колючее лицо его стало спокойнее, но серые глаза смотрели все так же зло и враждебно.

- Выйдите отсюда, и я в два счета покончу со Смитом, - негромко сказал он. - Ну?

- Ни с места, - сердито приказал Рокуэл, подходя к нему. - Каждый раз, как явишься, вынужден буду тебя обыскивать. Прямо говорю, я тебе не доверяю. - Оружия у Хартли не оказалось. - Почему ты меня не предупредил насчет солнечного света?

- Как? - тихо, не сразу прозвучало в ответ. - А... да. Я забыл. На первых порах я пробовал передвигать Смита. Он оказался на солнце и стал умирать всерьез. Понятно, больше я не трогал его с места. Похоже, он смутно понимал, что ему предстоит. Может, даже сам это задумал, не знаю. Пока он не заостенел окончательно и еще мог говорить и есть, аппетит у него был волчий, и он предупредил, чтобы я три месяца его не трогал с места. Сказал, что хочет оставаться в тени. Что солнце все испортит. Я думал, он меня разыгрывает. Но он не шутил. Ел жадно, как зверь, как голодный дикий зверь, потом впал в оцепенение - и вот, полюбуйтесь... - Хартли невнятно выругался. - Я-то надеялся, ты оставишь его подольше на солнце и нечаянно угубишь.

Макгайр всколыхнулся всей своей тушей - двести пятьдесят фунтов.

- Слушайте... А вдруг мы заразимся этой смитовой болезнью?

Хартли смотрел на неподвижное тело, зрачки его сузились.

- Смит не болен. Неужели не понимаешь, тут же прямые признаки вырождения. Это как рак. Им не заражаешься, это в роду и передается по наследству. Сперва у меня не было к Смицу ни страха, ни ненависти, это пришло только неделю назад - тогда я убедился, что он дышит, и существует, и процветает, хотя ноздри и рот замкнуты наглухо. Так не бывает. Так не должно быть.

- А вдруг и ты, и я, и Рокуэл тоже станем зеленые, и эта чума охватит всю страну, тогда как? - дрожащим голосом выговорил Макгайр.

- Тогда, если я ошибаюсь, - может быть, и ошибаюсь, - я умру, - сказал Рокуэл. - Только меня это ни капельки не волнует.

Он повернулся к Смицу и продолжал делать свое дело.

Колокол звонит. Колокол. Два, два колокола. Десять колоколов, сто. Десять тысяч, миллион оглушительных, гремющих, лязгающих металлом колоколов. Все разом ворвались в тишину, воют, режут, отдаются мучительным эхом, раздирают уши!

Звонят, поют голоса, громкие и тихие, высокие и низкие, глухие и пронзительные. Бьют по скорлупе громадные хлопушки, в воздухе несмолкаемый грохот и треск!

Под трезвон колоколов Смит не сразу понимает, где же он. Он знает, ему ничего не увидеть, веки замкнуты, знает - ничего ему не сказать, губы срослись. И уши тоже запечатаны, а колокола все равно оглушают.

Видеть он не может. Но нет, все-таки может, и кажется - перед ним тесная багровая пещера, словно глаза обращены внутрь мозга. Он пробует шевельнуть языком, пытается крикнуть и вдруг понимает: язык пропал - там, где всегда был язык, пустота, щемящая пустота будто жаждет вновь его обрести, но сейчас - не может.

Нет языка. Странно. Почему? Смит пытается остановить колокола. И они останавливаются, блаженная тишина окутывает его прохладным покрывалом. Что-то происходит. Происходит. Смит пробует шевельнуть пальцем, но палец не повинуется. И ступня тоже, нога, пальцы ног, голова - ничто не слушается. Ничем не шевельнешь. Ноги, руки, все тело - недвижимы, застыли, скованы, будто в бетонном гробу.

И еще через минуту страшное открытие: он больше не дышит. По крайней мере, легкими.

- Потому что у меня больше нет легких! - вопит он. Вопит где-то внутри, и этот мысленный вопль захлестнуло, опутало, скомкало и дремотно повлекло куда-то в глубину темной багровой волной. Багровая дремотная волна обволокла беззвучный вопль, скрутила и унесла прочь, и Смицу стало спокойнее.

"Я не боюсь, - подумал он. - Я понимаю непонятное. Понимаю, что вовсе не боюсь, а почему - не знаю.

Ни языка, ни ноздрей, ни легких.

Но потом они появятся. Да, появятся. Что-то... что-то происходит."

В поры замкнутого в скорлупе тела проникает воздух, будто каждую его частицу покалывают струйки живительного дождя. Дышишь мириадами крохотных жабр, вдыхаешь кислород и азот, водород и углекислоту, и все идет впрок. Удивительно. А сердце как - бьется еще или нет?

Да, бьется. Медленно, медленно, медленно. Смутный багровый ропот возникает вокруг, поток, река... медленная, еще медленней, еще. Так славно. Так отдохновенно.

Дни сливаются в недели, и быстрее складываются в цельную картину разрозненные куски головоломки. Помогает Макгайр. В прошлом хирург, он уже многие годы у Рокуэла секретарем. Не бог весть какая подмога, но славный товарищ.

Рокуэл заметил, что хоть Макгайр ворчливо подшучивает над Смитом, но спокоен, даже очень. Силится сохранить спокойствие. А потом однажды притих, призадумался - и сказал неторопливо:

- Вот что, я только сейчас сообразил: Смит живой! Должен бы помереть. А он живой. Вот так штука!

Рокуэл расхохотался.

- А какого черта, по-твоему, я тут орудую? На той неделе доставлю сюда рентгеновский аппарат, посмотрю, что творится внутри Смитовой скорлупы.

Он ткнул иглой шприца в эту жесткую скорлупу. Игла сломалась. Рокуэл сменил иглу, потом еще одну и наконец проткнул скорлупу, взял кровь и принялся изучать образцы под микроскопом. Спустя несколько часов он преспокойно сунул результаты проб Макгайру, под самый его красный нос, заговорил быстро:

- Просто не верится. Его кровь смертельна для микробов. Я капнул взвесь стрептококков, и за восемь секунд они все погибли! Можно ввести Смиту какую угодно инфекцию - он любую бациллу уничтожит, он ими лакомится!

За считанные часы сделаны были еще и другие открытия. Рокуэл лишился сна, ночью ворочался в постели с боку на бок, продумывал, передумывал, опять и опять взвешивал потрясающие догадки. К примеру. С тех пор, как Смит заболел, и до последнего времени Хартли каждый день вводил ему внутривенно какое-то количество кубиков питательной сыворотки. Ни грамма этой пищи не использовано. Вся она сохраняется про запас - и не в жировых отложениях, а в совершенно неестественном виде: это какой-то очень насыщенный раствор, неведомая жидкость, содержащаяся у Смита в крови. Одной ее унции довольно, чтобы питать человека целых три дня. Эта удивительная жидкость движется в кровеносных сосудах, а едва организм ощутит в ней потребность, он тотчас ее усваивает. Гораздо удобнее, чем запасы жира. Несравнимо удобнее!

Рокуэл ликовал - вот это открытие! В теле Смита накопилось этого икс-раствора столько, что хватит на многие месяцы. Он не нуждается в пище извне.

Услыхав это, Макгайр печально оглядел свое солидное брюшко.

- Вот бы и мне так...

Но это еще не все. Смит почти не нуждается в воздухе. А нужное ему ничтожное количество впитывает, видимо, прямо сквозь кожу. И усваивает до последней молекулы. Никаких отходов.

- И ко всему, - закончил Рокуэл, - в последнем счете Смит, пожалуй, вовсе не надо будет, чтоб у него билось сердце, он и так обойдется!

- Тогда он умрет.

- Для нас с тобой - да. Для самого себя - может быть. А может, и нет. Ты только вдумайся, Макгайр. Что такое сейчас Смит? Замкнутая кровеносная система, которая сама собою очищается, месяцами не требует питания извне, почти не знает перебоев и совсем ничего не теряет, ибо с пользой усваивает каждую молекулу; система саморазвивающаяся и прочно защищенная, убийственная для любых микробов. И при всем при этом Хартли еще говорит о вырождении!

Хартли принял открытие с досадой. И твердил свое: Смит перестает быть человеком. Он выродок - и опасен.

Макгайр еще подлил масла в огонь:

- Почем знать, может, возбудителя этой болезни и в микроскоп не увидишь, а он, расправляясь со своей жертвой, заодно уничтожает все другие микробы. Ведь прививают же иногда малярию, чтобы излечить сифилис; отчего бы новой неведомой бацилле не пожрать все остальные?

- Довод веский, - сказал Рокуэл. - Но мы-то не заболели?

- Может быть, эта бактерия уже в нас, только ей нужен какой-то инкубационный период.

- Типичное рассуждение старомодного эскулапа. Что бы с человеком ни случилось, раз он не вмещается в привычные рамки, значит, болен, - возразил Рокуэл. - Кстати, это твоя мысль, Хартли, а не моя. Врачи не успокоятся, пока не поставят в каждом случае диагноз и не наклеят ярлычок. Так вот, по-моему, Смит здоров, до того здоров, что ты его боишься.

- Ты спятил, - сказал Макгайр.

- Возможно. Только Смит, я думаю, вовсе не требуется вмешательства медицины. Он сам себя спасает. По-вашему, это вырождение. А по-моему, рост.

- Да ты посмотри на его кожу, - почти простонал Макгайр.

- Овца в волчьей шкуре. Снаружи - жесткий, ломкий покров. Внутри - упорядоченная перестройка, преобразование. Почему? Я начинаю догадываться. Эти внутренние перемены в Смите так бурны, что им нужна защита, броня. А ты мне вот что скажи, Хартли, только честно: боялся ты в детстве насекомых - пауков и всякой такой твари?

- Да.

- То-то и оно. У тебя фобия. Врожденный страх и отвращение, и все это обратилось на Смита. Поэтому тебе и противна эта перемена в нем.

В последующие недели Рокуэл подробно разузнал о прошлом Смита. Побывал в лаборатории электроники, где тот работал, пока не заболел. Дотошно исследовал комнату, где Смит под присмотром Хартли провел первые недели своей "болезни". Тщательно изучил стоящий в углу аппарат. Что-то связанное с радиацией.

Уезжая из санатория, Рокуэл надежно запер Смита в палате и к двери приставил стражем Макгайра на случай, если у Хартли появятся какие-нибудь завиральные мысли.

Смиту тридцать два года, и жизнь у него была самая простая. Пять лет проработал в лаборатории электроники. Никогда серьезно не болел.

Шли дни. Рокуэл пристрастился к долгим одиноким прогулкам вдоль соседнего пересохшего ручья. Так он выкраивал время подумать, обосновать невероятную теорию, что складывалась у него все отчетливей.

А однажды остановился у куста жасмина, цветущего ночами подле санатория, поднялся на цыпочки и, улыбаясь, снял с высокой ветки что-то темное, поблескивающее. Осмотрел и сунул в карман. И прошел в дом.

Он позвал с веранды Макгайра. Тот пришел. За ним, бормоча вперемешку жалобы и угрозы, плелся Хартли. Все трое сели в приемной.

И Рокуэл заговорил.

- Смит не болен. В его организме не выжить ни одной бацилле. И никакие дьяволы, бесы и злые духи в него не вселились. Упоминаю об этом в доказательство, что перебрал все мыслимые и немыслимые возможности. И любой диагноз любых обычных болезней отбрасываю. Предлагаю гораздо более важную и наиболее приемлемую возможность - замедленную наследственную мутацию.

- Мутацию? - не своим голосом переспросил Макгайр.

Рокуэл поднял и показал нечто темное, поблескивающее на свету.

- Вот что я нашел в саду, на кусте. Отлично подтверждает мою теорию. Я изучил состояние Смита, осмотрел его лабораторию, исследовал несколько вот этих штучек, - он повертел в пальцах темный маленький предмет. - И я уверен. Это метаморфоза. Перерождение, видоизменение, мутация - не до, а после появления на свет. Вот. Держи. Это и есть Смит.

И он кинул темную вещичку Хартли. Хартли поймал ее на лету.

- Это же куколка, - сказал Хартли. - Бывшая гусеница.

Рокуэл кивнул:

- Вот именно.

- Так что же, ты воображаешь, будто Смит тоже... куколка?!

- Убежден, - сказал Рокуэл.

Вечером, в темноте, Рокуэл склонился над телом Смита. Макгайр и Хартли сидели в другом конце палаты, молчали, прислушивались. Рокуэл осторожно ощупывал тело.

- Предположим, жить - значит не только родиться, протянуть семьдесят лет и умереть. Предположим, что в своем бытии человек должен шагнуть на новую, высшую степень, - и Смит первый из всех нас совершает этот шаг.

Мы смотрим на гусеницу и, как нам кажется, видим некую постоянную величину. Однако она превращается в бабочку. Почему? Никакие теории не дают исчерпывающего объяснения. Она развивается - вот что важно. Самое существенное: нечто будто бы неизменное превращается в нечто другое, промежуточное, совершенно неузнаваемое - в куколку, а из нее выходит бабочкой. С виду куколка мертва. Это маскировка, способ сбить со следа. Поймите, Смит сбил нас со следа. С виду он мертв. А внутри все соки клокочут, перестраиваются, бурно стремятся к одной цели. Личинка оборачивается москитом, гусеница бабочкой... а чем станет Смит?

- Смит - куколка? - Макгайр невесело засмеялся.

- Да.

- С людьми так не бывает.

- Перестань, Макгайр. Ты, видно, не понимаешь, эволюция совершает великий шаг. Осмотри тело и дай какое-то другое объяснение. Проверь кожу, глаза, дыхание, кровообращение. Неделями он запасал пищу, чтобы погрузиться в спячку в этой своей скорлупе. Почему он так жадно и много ел, зачем копил в организме некий икс-раствор, если не для этого перевоплощения? А всему причиной - излучение. Жесткое излучение в Смитовой лаборатории. Намеренно он облучался или случайно, не знаю. Но затронута какая-то ключевая часть генной структуры, часть, предназначенная для эволюции человеческого организма, которой, может быть, предстояло включиться только через тысячи лет.

- Так что же, по-твоему, когда-нибудь все люди?..

- Личинка стрекозы не остается навсегда в болоте, кладка жука - в почве, а гусеница - на капустном листе. Они видоизменяются и вылетают на простор. Смит - это ответ на извечный вопрос: что будет дальше с людьми, к чему мы идем? Перед нами неодолимой стеной встает Вселенная, в этой Вселенной мы обречены существовать, и человек, такой, каков он сейчас, не готов вступить в эту Вселенную. Малейшее усилие утомляет его, чрезмерный труд убивает его сердце, недуги разрушают тело. Возможно, Смит сумеет ответить философам на вопрос, в чем смысл жизни. Возможно, он придаст ей новый смысл.

Ведь все мы, в сущности, просто жалкие насекомые и суедемся на ничтожно маленькой планете. Не для того существует человек, чтобы вечно прозябать на ней, оставаться хилым, жалким и слабым, но будущее для него пока еще тайна, слишком мало он знает.

Но измените человека! Сделайте его совершенным. Сделайте... сверхчеловека, что ли. Избавьте его от умственного убожества, дайте ему полностью овладеть своим телом, нервами, психикой; дайте ясный, пронизательный ум, неутомимое кровообращение, тело, способное месяцами обходиться без пищи извне, освоиться где угодно, в любом климате, и побороть любую болезнь. Освободите человека от оков плоти, от бедствий плоти, и вот он уже не злосчастное ничтожество, которое страшится мечтать, ибо знает, что хрупкое тело помешает ему осуществить мечты, - и тогда он готов к борьбе, к единственной подлинно стоящей войне. Заново рожденный человек готов противостоять всей, черт ее подери, Вселенной!

Рокуэл задохнулся, охрип, сердце его неистово колотилось; он склонился над Смитом, бережно, благоговейно приложил ладони к холодному недвижному панцирю и закрыл глаза. Сила, властная тяга, твердая вера в Смита переполняли его. Он прав. Прав. Он это знает. Он открыл глаза, посмотрел на Хартли и Макгайра: всего лишь тени в полутьме палаты, при завешенном окне.

Короткое молчание, потом Хартли погасил свою сигарету.

- Не верю я в эту теорию.

А Макгайр сказал:

- Почем ты знаешь, может быть, все нутро Смита обратилось в кашу? Делал ты рентгеновский снимок?

- Нет, это рискованно - вдруг помешает его превращению, как мешал солнечный свет.

- Так значит, он становится сверхчеловеком? И как же это будет выглядеть?

- Поживем - увидим.

- По-твоему, он слышит, что мы про него сейчас говорим?

- Слышит ли, нет ли, ясно одно: мы узнали секрет, который нам знать не следовало. Смит вовсе не желал посвящать в это меня и Макгайра. Ему пришлось как-то к нам приспособиться. Но сверхчеловек не может хотеть, чтобы все вокруг о нем узнали. Люди слишком ревнивы и завистливы, полны ненависти. Смит знает, если тайна выйдет наружу, это для него опасно. Может быть, отсюда и твоя ненависть к нему, Хартли.

Все замолчали, прислушиваются. Тишина. Только шумит кровь в висках Рокуэла. И вот он, Смит - уже не Смит, но некое вместилище с пометкой "Смит", а что в нем - неизвестно.

- Если ты не ошибаешься, нам, безусловно, надо его уничтожить, - заговорил Хартли. - Подумай, какую он получит власть над миром. И если мозг у него изменился в ту сторону, как я думаю... тогда, как только он выйдет из скорлупы, он постарается нас убить, потому что мы одни про него знаем. Он нас возненавидит за то, что мы проведали его секрет.

- Я не боюсь, - беспечно сказал Рокуэл.

Хартли промолчал. Шумное, хриплое дыхание его наполняло комнату. Рокуэл обошел вокруг стола, махнул рукой:

- Пойдемте-ка все спать, пора, как по-вашему?

Машину Хартли скрыла завеса мелкого морсящего дождя. Рокуэл запер входную дверь, распорядился, чтобы Макгайр в эту ночь спал на раскладушке внизу, перед палатой Смита, а сам поднялся к себе и лег.

Раздеваясь, он снова мысленно перебирал невероятные события последних недель. Сверхчеловек. А почему бы и нет? Волевой, сильный...

Он улегся в постель.

Когда же? Когда Смит "вылупится" из своей скорлупы? Когда?

Дождь тихонько шуршал по крыше санатория.

Макгайр дремал на раскладушке под ропот дождя и грохот грома, слышалось его шумное, тяжелое дыхание. Где-то скрипнула дверь, но он дышал все так же ровно. По прихожей пронесся порыв ветра. Макгайр всхрапнул, повернулся на другой бок. Тихо затворилась дверь, сквозняк прекратился.

Смягченные толстым ковром тихие шаги. Медленные шаги, опасливые, крадущиеся, настороженные. Шаги. Макгайр мигнул, открыл глаза.

В полутьме кто-то над ним наклонился.

Выше, на площадке лестницы, горит одинокая лампочка, желтоватая полоска света протянулась рядом с койкой Макгайра.

В нос бьет резкий запах раздавленного насекомого. Шевельнулась чья-то рука. Кто-то силится заговорить.

У Макгайра вырвался дикий вопль.

Рука, что протянулась в полосу света, зеленая.

Зеленая!

- Смит!

Тяжело топая, Макгайр с криком бежит по коридору.

- Он ходит! Не может ходить, а ходит!

Всей тяжестью он налетает на дверь, и дверь распаивается. Дождь и ветер со свистом набрасываются на него, он выбегает в бурю, бессвязно, бессмысленно бормочет.

А тот, в прихожей, недвижим. Наверху распахнулась дверь, по лестнице сбегает Рокуэл. Зеленая рука отдернулась из полосы света, спряталась за спиной.

- Кто здесь? - остановясь на полпути, спрашивает Рокуэл.

Тот выходит на свет.

Рокуэл смотрит в упор, брови сдвинулись.

- Хартли! Что ты тут делаешь, почему вернулся?

- Кое-что случилось, - говорит Хартли. - А ты поди-ка приведи Макгайра. Он выбежал под дождь и лопочет, как полоумный.

Рокуэл не стал говорить, что думает. Быстро, испытующе оглядел Хартли и побежал дальше - по коридору, за дверь, под дождь.

- Макгайр! Макгайр, дурья голова, вернись!

Бежит под дождем, струи так и хлещут. На Макгайра наткнулся чуть не в сотне шагов от дома, тот бормочет:

- Смит... Смит там ходит...

- Чепуха. Просто это вернулся Хартли.

- Рука зеленая, я видел. Она двигалась.

- Тебе приснилось.

- Нет. Нет! - В дряблом, мокром от дождя лице Макгайра ни кровинки. - Я видел, рука зеленая, верно тебе говорю. А зачем Хартли вернулся? Ведь он...

При звуке этого имени Рокуэла как ударило, он разом понял. Пронзило страхом, мысли закружило вихрем - опасность! - резнул отчаянный зов: на помощь!

- Хартли!

Рокуэл оттолкнул Макгайра, рванулся, закричал и со всех ног помчался к санаторию. В дом, по коридору...

Дверь в палату Смита взломана.

Посреди комнаты с револьвером в руке - Хартли. Услыхал бегущего Рокуэла, обернулся. И вмиг оба действуют. Хартли стреляет, Рокуэл щелкает выключателем.

Тьма. И вспышка пламени, точно на моментальной фотографии высвечено сбоку застывшее тело Смита. Рокуэл метнулся в сторону вспышки. И уже в прыжке, потрясенный, понял, почему вернулся Хартли. В секунду, пока не погас свет, он увидел руку Хартли.

Пальцы, покрытые зеленой чешуей.

Потом схватка врукопашную. Хартли падает, и тут снова вспыхнул свет, на пороге мокрый насквозь Макгайр, выговаривает трясущимися губами:

- Смит... он убит?

Смит не пострадал. Пуля прошла выше.

- Болван, какой болван! - кричит Рокуэл, стоя над обмякшим на полу Хартли. - Великое, небывалое событие, а он хочет все погубить!

Хартли пришел в себя, говорит медленно:

- Надо было мне догадаться. Смит тебя предупредил.

- Ерунда, он... - Рокуэл запнулся, изумленный. Да, верно. То внезапное предчувствие, смятение в мыслях. Да. Он с яростью смотрит на Хартли. - Ступай наверх. Просидишь до утра под замком. Макгайр, иди и ты. Не спускай с него глаз.

Макгайр говорит хрипло:

- Погляди на его руку. Ты только погляди. У Хартли рука зеленая. Там в прихожей был не Смит - Хартли!

Хартли уставился на свои пальцы.

- Мило выглядит, а? - говорит он с горечью. - Когда Смит заболел, я тоже долго был под этим излучением. Теперь я стану таким... такой же тварью... как Смит. Это со мной уже несколько дней. Я скрывал. Старался молчать. Сегодня почувствовал - больше не могу, вот и пришел его убить, отплатить, он же меня погубил...

Сухой резкий звук, что-то сухо треснуло. Все трое замерли.

Три крохотных чешуйки взлетели над Смитовой скорлупой, покружили в воздухе и мягко опустились на пол.

Рокуэл вмиг очутился у стола, взгляделся.

- Оболочка начинает лопаться. Трещина тонкая, едва заметная - треугольником, от ключиц до пупка. Скоро он выйдет наружу!

Дряблые щеки Макгайра затряслись:

- И что тогда?

- Будет у нас сверхчеловек, - резко, зло отозвался Хартли. - Спрашивается: на что похож сверхчеловек? Ответ: никому не известно.

С треском отлетели еще несколько чешуек. Макгайра передернуло.

- Ты попробуешь с ним заговорить?

- Разумеется.

- С каких это пор... бабочки... разговаривают?

- Поди к черту, Макгайр!

Рокуэл засадил их обоих для верности наверху под замок, а сам заперся в комнате Смита и лег на раскладушку, готовый бодрствовать всю долгую дождливую ночь - следить, вслушиваться, думать.

Следить, как отлетают чешуйки ломкой оболочки, потому что из куколки безмолвно стремится выйти наружу Неведомое.

Ждать осталось каких-нибудь несколько часов. Дождь стучится в дом, струи сбегают по стеклу. Каков-то он теперь будет с виду, Смит? Возможно, изменится строение уха, потому что станет тоньше слух; возможно, появятся дополнительные глаза; изменятся форма черепа, черты лица, весь костяк, размещение внутренних органов, кожные ткани; возможно несчетное множество перемен.

Рокуэла одолевает усталость, но уснуть страшно. Веки тяжелеют, тяжелеют. А вдруг он ошибся? Вдруг его домыслы нелепы? Вдруг Смит внутри этой скорлупы - вроде медузы? Вдруг он - безумный, помешанный... или совсем переродился и станет опасен для всего человечества? Нет. Нет. Рокуэл помотал затуманенной головой. Смит - совершенство. Совершенство. В нем нет места ни единой злой мысли. Совершенство.

В санатории глубокая тишина. Только и слышно, как потрескивают чешуйки хрупкой оболочки, падая на пол...

Рокуэл уснул. Погрузился во тьму, и комната исчезла, нахлынули сны. Снилось, что Смит поднялся, идет, движения угловатые, деревянные, а Хартли, пронзительно крича, опять и опять заносит сверкающий топор, с маху рубит зеленый панцирь и превращает живое существо в отвратительное месиво. Снился Макгайр - бежит под кровавым дождем, бессмысленно лопочет. Снилось...

Жаркое солнце. Жаркое солнце заливает палату. Уже утро. Рокуэл протирает глаза, смутно встревоженный тем, что кто-то поднял шторы. Кто-то поднял... Рокуэл вскочил как ужаленный. Солнце! Шторы не могли, не должны были подняться. Сколько недель они не поднимались! Он закричал.

Дверь настежь. В санатории тишина. Не смея повернуть голову, Рокуэл косится на стол. Туда, где должен бы лежать Смит.

Но его там нет.

На столе только и есть, что солнечный свет. Да еще какие-то опустелые остатки. Все, что осталось от куколки. Все, что осталось.

Хрупкие скорлупки - расщепленный надвое профиль, округлый осколок бедра, полоска, в которой угадывается плечо, обломок грудной клетки - разбитые останки Смита!

А Смит исчез. Подавленный, еле держась на ногах, Рокуэл подошел к столу. Точно маленький, стал копаться в тонких шуршащих обрывках кожи. Потом круто повернулся и, шатаясь как пьяный, вышел из палаты, тяжело затопал вверх по лестнице, закричал:

- Хартли! Что ты с ним сделал? Хартли! Ты что же, убил его, избавился от трупа, только куски скорлупы оставил и думаешь сбить меня со следа?

Дверь комнаты, где провели ночь Макгайр и Хартли, оказалась запертой. Трясущимися руками Рокуэл повернул ключ в замке. И увидел их обоих в комнате.

- Вы тут, - сказал растерянно. - Значит, вы туда не спускались. Или, может, отперли дверь, пошли вниз, вломились в палату, убили Смита и... нет, нет.

- А что случилось?

- Смит исчез! Макгайр, скажи, выходил Хартли отсюда?

- За всю ночь ни разу не выходил.

- Тогда... есть только одно объяснение... Смит выбрался ночью из своей скорлупы и сбежал! Я его не увижу, мне так и не удастся на него посмотреть, черт подери совсем! Какой же я болван, что заснул!

- Ну, теперь все ясно! - заявил Хартли. - Смит опасен, иначе он бы остался и дал нам на себя посмотреть. Одному Богу известно, во что он превратился.

- Значит, надо искать. Он не мог уйти далеко. Надо все обыскать! Быстрее, Хартли! Макгайр!

Макгайр тяжело опустился на стул.

- Я не двинусь с места. Он и сам отыщется. С меня хватит.

Рокуэл не стал слушать дальше. Он уже спускался по лестнице, Хартли за ним по пятам. Через несколько минут за ними, пыхтя и отдуваясь, двинулся Макгайр.

Рокуэл бежал по коридору, приостанавливаясь у широких окон, выходящих на пустыню и на горы, озаренные утренним солнцем. Выглядывал в каждое окно и спрашивал себя: да есть ли хоть капля надежды найти Смита? Первый сверхчеловек. Быть может, первый из очень и очень многих. Рокуэла прошиб пот. Смит не должен был исчезнуть, не показавшись сперва хотя бы ему, Рокуэлу. Не мог он вот так исчезнуть. Или все же мог?

Медленно отворилась дверь кухни.

Порог переступила нога, за ней другая. У стены поднялась рука. Губы выпустили струйку сигаретного дыма.

- Я кому-то понадобился?

Ошеломленный Рокуэл обернулся. Увидел, как изменился в лице Хартли, услышал, как задохнулся от изумления Макгайр. И у всех троих вырвалось разом, будто под суфлера:

- Смит!

Смит выдохнул струйку дыма. Лицо ярко-розовое, словно его нажгло солнцем, голубые глаза блестят. Ноги босы, на голое тело накинута старый халат Рокуэла.

- Может, вы мне скажете, куда это я попал? И что со мной было в последние три месяца - или уже четыре? Тут что, больница?

Разочарование обрушилось на Рокуэла тяжким ударом. Он трудно глотнул.

- Привет. Я... То есть... Вы что же... вы ничего не помните?

Смит выставил растопыренные пальцы:

- Помню, что позеленел, если вы это имеете в виду. А потом - ничего.

И он взъерошил розовой рукой каштановые волосы - быстрое, сильное движение того, кто вернулся к жизни и радуется, что вновь живет и дышит.

Рокуэл откачнулся, бессильно прислонился к стене. Потрясенный, спрятал лицо в ладонях, тряхнул головой, потом, не веря своим глазам, спросил:

- Когда вы вышли из куколки?

- Когда я вышел... откуда?

Рокуэл повел его по коридору в соседнюю комнату, показал на стол.

- Не пойму, о чем вы, - просто, искренне сказал Смит. - Я очнулся в этой комнате полчаса назад, стою и смотрю - я совсем голый.

- И это все? - обрадованно спросил Макгайр. У него явно полегчало на душе.

Рокуэл объяснил, откуда взялись остатки скорлупы на столе. Смит нахмурился.

- Что за нелепость. А вы, собственно, кто такие?

Рокуэл представил их друг другу.

Смит мрачно поглядел на Хартли.

- Сперва, когда я заболел, явились вы, верно? На завод электронного оборудования. Но это же все глупо. Что за болезнь у меня была?

Каждая мышца в лице Хартли напряглась до отказа.

- Никакая не болезнь. Вы-то разве ничего не знаете?

- Я очутился с незнакомыми людьми в незнакомом санатории. Очнулся голый в комнате, где какой-то человек спал на раскладушке. Очень хотел есть. Пошел бродить по санаторию. Дошел до кухни, отыскал еду, поел, услышал какие-то взволнованные голоса, а теперь мне заявляют, будто я вылупился из куколки. Как прикажете все это понимать? Кстати, спасибо за халат, за еду и сигареты, я их взял взаймы. Сперва я просто не хотел вас будить, мистер Рокуэл. Я ведь не знал, кто вы такой, но видно было, что вы смертельно устали.

- Ну, это пустяки. - Рокуэл отказывался верить горькой очевидности. Все рушится. С каждым словом Смита недавние надежды рассыпаются, точно разбитая скорлупа куколки. - А как вы себя чувствуете?

- Отлично. Полон сил. Просто замечательно, если учесть, как долго я пробыл без сознания.

- Да, прямо замечательно, - сказал Хартли.

- Представляете, каково мне стало, когда я увидел календарь. Стольких месяцев - бац - как не бывало! Я все гадал, что же со мной делалось столько времени.

- Мы тоже гадали.

Макгайр засмеялся:

- Да не приставай к нему, Хартли. Просто потому, что ты его ненавидел...

Смит недоуменно поднял брови:

- Ненавидели? Меня? За что?

- Вот. Вот за что! - Хартли растопырил пальцы. - Ваше проклятое облечение. Ночь за ночью я сидел около вас в вашей лаборатории. Что мне теперь с этим делать?

- Тише, Хартли, - вмешался Рокуэл. - Сядь. Успокойся.

- Ничего я не сяду и не успокоюсь! Неужели он вас обоих одурачил? Это же подделка под человека! Этот розовый молодчик затеял такой страшный обман, какого еще свет не видал! Если у вас осталось хоть на грош соображения, убейте этого Смита, пока он не улился!

Рокуэл попросил извинить вспышку Хартли. Смит покачал головой:

- Нет, пускай говорит дальше. Что все это значит?

- Ты и сам знаешь! - в ярости заорал Хартли. - Ты лежал тут месяц за месяцем, подслушивал, строил планы. Меня не проведешь. Рокуэла ты одурачил, теперь он разочарован. Он ждал, что ты станешь сверхчеловеком. Может, ты и есть сверхчеловек. Так ли, эдак ли, но ты уже никакой не Смит. Ничего подобного. Это просто еще одна твоя уловка. Запутываешь нас, чтоб мы не узнали о тебе правды, чтоб никто ничего не узнал. Ты запросто можешь нас убить, а стоишь тут и уверяешь, будто ты человек как человек. Так тебе удобнее. Несколько минут назад ты мог удрать, но тогда у нас остались бы подозрения. Вот ты и дождался нас, и уверяешь, будто ты просто человек.

- Он и есть просто человек, - жалобно вставил Макгайр.

- Неправда. Он думает не по-людски. Чересчур умен.

- Так испытай его, проверь, какие у него ассоциации, - предложил Макгайр.

- Он и для этого чересчур умен.

- Тогда все очень просто. Возьмем у него кровь на анализ, прослушаем сердце, вприснем сыворотки.

На лице Смита отразилось сомнение.

- Я чувствую себя подопытным кроликом. Разве что вам уж очень хочется. Все это глупо.

Хартли возмутился. Посмотрел на Рокуэла, сказал:

- Давай шприцы.

Рокуэл достал шприцы. "Может быть, Смит все-таки сверхчеловек, - думал он. - Его кровь - сверхкровь. Смертельна для микробов. А сердцебиение? А дыхание? Может быть, Смит - сверхчеловек, но сам этого не знает. Да. Да, может быть..."

Он взял у Смита кровь, положил стекло под микроскоп. И сник, ссутулился. Самая обыкновенная кровь. Вводишь в нее микробы - и они погибают в обычный срок. Она уже не сверхсмертельна для бактерий. И неведомый икс-раствор исчез. Рокуэл горестно вздохнул. Температура у Смита нормальная. Пульс тоже. Нервные рефлексы, чувствительность - ни в чем никаких отклонений.

- Что ж, все в порядке, - негромко сказал Рокуэл.

Хартли повалился в кресло, глаза широко раскрыты, костлявыми руками стиснул виски.

- Простите, - выдохнул он. - Что-то у меня... ум за разум... верно, воображение разыгралось. Так тянулись эти месяцы. Ночь за ночью. Стал как одержимый, страх одолел. Вот и свалил дурака. Простите. Простите. - И уставился на свои зеленые пальцы. - А что ж будет со мной?

- У меня все прошло, - сказал Смит. - Думаю, и у вас пройдет. Я вам сочувствую. Но это было не так уж скверно... В сущности, я ничего не помню.

Хартли явно отпустило.

- Но... да, наверно, вы правы. Мало радости, что придется вот так заостенеть, но тут уж ничего не поделаешь. Потом все пройдет.

Рокуэлу было тошно. Слишком жестоко он обманулся. Так не щадить себя, так ждать и жаждать нового, неведомого, сгорать от любопытства - и все зря. Стало быть, вот он каков, человек, что вылутился из куколки? Тот же, что был прежде. И все надежды, все домыслы напрасны.

Он жадно глотнул воздух, попытался остановить тайный неистовый бег мысли. Смятение. Сидит перед ним розовощекий, звонкоголосый человек, спокойно покуривает... просто-напросто человек, который страдал какой-то кожной болезнью - временно отвердела кожа да еще под действием облучения разладилась на время внутренняя секреция, - но сейчас он опять человек как человек, и не более того. А буйное воображение Рокуэла, неистовая фантазия разыгрались - и все проявления странной болезни сложились в некий желанный вымысел, в несуществующее совершенство. И вот Рокуэл глубоко потрясен, взбудоражен и разочарован.

Да, то, что Смит жил без пищи, его необыкновенно защищенная кровь, крайне низкая температура тела и другие преимущества - все это лишь проявления странной болезни. Была болезнь, и только. Была - и прошла, миновала, кончилась и ничего после себя не оставила, кроме хрупких осколков

скорлупы на залитом солнечными лучами столе. Теперь можно будет понаблюдать за Хартли, если и его болезнь станет развиваться, и потом доложить о новом недуге врачебному миру.

Но Рокуэла не волновала болезнь. Его волновало совершенство. А совершенство лопнуло, растрескалось, рассыпалось и сгнуло. Сгнула его мечта. Сгинул выдуманный сверхчеловек. И теперь ему плевать, пускай хоть весь свет обрастет жесткой скорлупой, позеленеет, рассыплется, сойдет с ума.

Смит обошел их всех, каждому пожал руку.

- Мне нужно вернуться в Лос-Анджелес. Меня ждет на заводе важная работа. Пора приступить к своим обязанностям. Жаль, что не могу остаться у вас подольше. Сами понимаете.

- Вам надо бы остаться и отдохнуть хотя бы несколько дней, - сказал Рокуэл, горько ему было видеть, как исчезает последняя тень его мечты.

- Нет, спасибо. Впрочем, этак через неделю я к вам загляну, доктор, обследуете меня еще раз, хотите? Готов даже с годик заглядывать, примерно раз в месяц, чтоб вы могли меня проверить, ладно?

- Да. Да, Смит. Пожалуйста, приезжайте. Я хотел бы еще потолковать с вами об этой вашей болезни. Вам повезло, что остались живы.

- Я вас подвезу до Лос-Анджелеса, - весело предложил Макгайр.

- Не беспокойтесь. Я дойду до Туджунги, а там возьму такси. Хочется пройтись. Давненько я не гулял, погляжу, что это за ощущение.

Рокуэл ссудил ему пару старых башмаков и поношенный костюм.

- Спасибо, доктор. Постараюсь как можно скорей вернуть вам все, что задолжал.

- Ни гроша вы мне не должны. Было очень интересно.

- Что ж, до свиданья, доктор. Мистер Макгайр. Хартли.

- До свиданья, Смит.

- До свиданья.

Смит пошел по дорожке к старому руслу, дно ручья уже совсем пересохло и растрескалось под лучами предвечернего солнца. Смит шагал непринужденно, весело, посвистывал. "Вот мне сейчас не свищется", - устало подумал Рокуэл.

Один раз Смит обернулся, помахал им рукой, потом поднялся на холм и стал спускаться с другой его стороны к далекому городу.

Рокуэл провожал его глазами - так смотрит малый ребенок, когда его любимое творение - замок из песка - подмывают и уносят волны моря.

- Не верится, - твердил он снова и снова. - Просто не верится. Все кончается так быстро, так неожиданно. Я как-то отупел, и внутри пусто.

- А по-моему, все прекрасно! - Макгайр радостно ухмылялся.

Хартли стоял на солнце. Мягко опущены его зеленые руки, и впервые за все эти месяцы, вдруг понял Рокуэл, совсем спокойно бледное лицо.

- У меня все пройдет, - тихо сказал Хартли. - Все пройдет, я поправлюсь. Ох, слава богу. Слава богу. Я не сделаюсь чудовищем. Я останусь самим собой. - Он обернулся к Рокуэлу. - Только запомни, запомни, не дай, чтоб меня по ошибке похоронили, ведь меня примут за мертвеца. Смотри, не забудь.

Смит пошел тропинкой, пересекающей сухое русло, и поднялся на холм. Близился вечер, солнце уже опускалось за дальние синеющие холмы. Проглянули первые звезды. В нагретом недвижимом воздухе пахло водой, пылью, цветущими вдали апельсиновыми деревьями.

Встрепенулся ветерок. Смит глубоко дышал. И шел все дальше.

А когда отошел настолько, что его уже не могли видеть из санатория, остановился и замер на месте. Посмотрел на небо.

Бросил недокуренную сигарету, тщательно затоптал. Потом выпрямился во весь рост - стройный, ладный, - отбросил со лба каштановые пряди, закрыл глаза, глотнул, свободно свесил руки вдоль тела.

Без малейшего усилия, - только чуть вздохнул теплый воздух вокруг, - Смит поднялся над землей.

Быстро, беззвучно взмыл он ввысь и вскоре затерялся среди звезд, устремляясь в космические дали...

Перевела с английского Нора Галь

Антенна по имени Сердце

Очерк о неизвестной миру украинке — авторе великого научно-технического открытия

Шесть конструкций антенн, установленных на первых запущенных в СССР космических аппаратах — таков личный вклад в покорение Космоса, внесенный моей бабушкой, уроженкой Украины Надеждой Георгиевной Зарецкой. Говорят, что страна должна знать своих героев в лицо. Украине известно лицо Королёва, чей вклад в освоение Космоса — подвиг в веках. Но лица моей бабушки, соратницы СП, снаряжавшей своими руками в Бессмертие Спутник, не знает никто, хотя одна из ее антенн — беспримерное открытие, равное блеском своей простоты аппаратам великого Теслы. Узнать его автора людям настала пора.

О том, где и с кем она работала, в те годы семья наша почти ничего не знала: работа была секретной. Поздней, в самых общих чертах, мы узнали об этом, — но бабушка была человеком скромным и никогда не оглашала подробностей: ну, работала, мол, да и все. Только в день, когда гроб с ее телом был опущен в могилу и люди пришли помянуть ее, сидевшая за поминальным столом подруга бабушки, работавшая вместе с ней в том бессмертном КБ в Подлипках, встала и рассказала собравшимся, чем занималась Надежда Георгиевна в тот далекий теперь 1957 год.

* * *

В жизни моей бабушке крупно повезло: в поселке Болшево Московской области, где в годы юности она проживала, жила неподалеку Нина Ивановна, жена Сергея Павловича Королёва. Точней, не жила постоянно, а часто наезжала из недалеких Подлипок на дачу отдохнуть со своим никому тогда еще не известным супругом. Брат ее Михаил познакомился с Надей, и вскоре они поженились. С этого-то момента чудесного слияния сердец моих бабки и деда и началась история знакомства Надежды Зарецкой с Сергеем Королёвым, в КБ которого в Подлипках она пришла по рекомендации Нины Ивановны.

Когда она, совсем юная девушка, пришла туда, люди подумали: ну вот, пришла секретарша — миловидное личико, точёная фигурка. Никто не ожидал, что Надя

тотчас впряжется в работу, а спустя короткое время станет автором крупных изобретений в области ракетно-космической техники, которые сразу же воплотятся в металл и полетят на свою вахту — в Небо.

Сергей Павлович и Нина Ивановна Королёвы

Когда запустили Спутник, бабушке, занимавшейся его антеннами, пришла в голову мысль: антенны космического аппарата как отдельные элементы (их у Спутника было два, и у каждого по два «уса») — всего лишь частичное решение проблемы приема сигнала; решить ее полно — есть сделать антенной **ВЕСЬ КОРПУС**, просто подключив к нему клеммы колебательного контура. **ЗАМКНУТЬ ЕГО НА ПОЛНОТУ**. Сказала об этом Королёву. Тот с жаром откликнулся на эту идею. Так появилось на свет изобретение Надежды Зарецкой «Антенна с предельно развернутым колебательным контуром», звавшееся также и «Щелевой антенной». С той поры все искусственные тела, выводимые в космос людьми, наибольшей приемной антенной имеют **СЕБЯ**.

Открытием бабушки пользуется теперь весь мир. Но никто и не помнит, чья это идея, а сама бабушка, не имевшая от нее ни копейки, никогда не распространялась о ней. Всю свою жизнь она проработала на скромных должностях, к своему инженерскому званию относясь как к великой награде. В жизни она была человеком простым и сердечным, на старости лет всю себя посвящала уходу за внуками и работе в своем маленьком саду возле дома в Болшево, где жила — очень любила землю.

*Надежда Георгиевна Зарецкая, моя бабушка по матери,
с племянником Иваном на крыльце своего дома в Болшево
(ныне — историческая часть г. Королёва). Участок для дома
и сада вокруг него был выхлопотан для бабушки С.П. Королёвым.*

Вспоминая про этот пример жизни как Простоты, я всегда думаю о том, что для бабушки и тысяч таких, как она, Покорителей главным понятием, сутью их — было Служенье. Служение Родине, людям. Служение Истине. Люди, создавшие Спутник в голодном, еще не оправившемся от последствий жестокой войны СССР, вынесшем тяжесть ее на своих плечах, были рабочими и инженерами с нищей зарплатою, жившими в коммуналках да по «углам»: ведь на ту пору Никита Сергеевич еще не успел понастроить для них хрущёвок. Но эти-то люди открыли путь к звездам. Полёт — не труд сытых: он — жажда духовная, Глад. Подвиг Духа, акт чистого Бескорыстия, коим для граждан Советской страны стал старт Спутника, был песнью их, Любви зовом святым. Че'**LOVE**'к — со'**LOVE**'й: слуга Неба, антенна по имени Сердце, к которой Господь подключил целый Мир.

Приложение 12

Сила любви

сказка

Восславим Творца, о друзья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Некий Ученый, пленившийся песней Соловья, задумал постичь ее тайну. Часами, забыв о других весьма важных занятиях, слушал он вольную птицу в саду, но искусство ее оставалось ему все такой же загадкой. Он хотел разузнать все у самого Соловья, но это был гордый Ученый, и он не любил быть просителем. Однако же любопытство его взяло верх.

— Послушай, Соловей, — обратился он к птице важно, — я познал мудрость многих наук, но не могу понять: отчего и как ты поешь?

— Пой — и поймешь, — сказал Соловей.

— Что за странный совет! — удивился Ученый. — Или не видишь: я не артист. Мелодия твоей песни томит меня как ничто в целом мире. Поведай же, прошу, ее секрет!

— Пой, — сказал Соловей, — мне нечего добавить к этому.

Гнев затуманил взор Ученого.

— Упрямец, — зло прошептал он, — ты вздумал смеяться надо мной! Вот как ценима моя благосклонность. Ты не желаешь открыть мне свою тайну? Так погоди же, я возьму у тебя ее сам!

Он поймал певца и посадил его в клетку. Но в неволе Соловья будто подменили: он перестал петь!

— Эй, приятель, куда подевалась твоя песня? — досадливо вскричал Ученый, но ответом ему было глубокое молчание. «Должно быть, Соловей утаил ее в своем горле. Проклятая птица! А ну-ка погляжу, какие рулады она посмела скрыть от меня».

И сказав так, служитель науки убил прекрасную птицу. Острым лезвием он рассек ее горлышко, но не нашел ничего кроме бездыханной плоти. Тогда он решил искать глубже. Вспоров нежную грудку, он извлек внутренности и долго колдовал над ними, взвешивая и наблюдая в микроскоп.

Он очень старался, этот достойный Ученый, трудясь день и ночь без сна и отдыха. Увлечшись, он позабыл, чего искал вначале. А когда тетрадь его распухла от множества пометок, написал мудреный трактат «О Соловье», на треть из латинских слов и на четверть из греческих.

Трактат принес Ученому успех. Сановный двор воздал ему хвалу, и сам Первый Министр увенчал его венком из лавра. Седые академики рукоплескали его открытиям. Коллеги наперебой расточали похвалы.

— Какой талант у этого Ученого! Какой пытливый ум! — восторгались одни.

— Подумать только, он первым в мире исчислил объем соловьиных легких! — упоенно вторили им другие.

— И гортань, — поражались третьи, — он измерил ее как никто доньше! Есть ли равный ему в науке опыта?

Грудь Ученого украсили медалью. Она была из чистого золота, и Ученый мог по праву гордиться ею: ведь он так славно потрудился!

Ученый ликовал. К его возвращению прислуга навела в доме образцовый порядок. Когда вся обстановка сияла великолепием, взгляд горничной упал на труп небольшой птицы, одиноко лежащий на столе хозяина.

— Что за гадость! — всплеснула руками служанка. — И как это я не заметила его раньше?

И она смахнула легкие останки в корзину для мусора.

* * *

— Хвала, хвала Ученому! — трубили на всех площадях глашатаи.

— Почет и уважение достойнейшему из граждан! — зывали риторы в Высоком Собрании. Простодушный народ не мог сдержать радости, слыша эти слова. Смех и веселые возгласы звучали

окрест. И посреди этого ликования лишь один человек не спешил разделить его, оставаясь тих и печален. Это был сам Ученый.

Слава пришла к Ученому, но покой оставил его. С тех пор как был написан трактат, приступы странной тревоги стали посещать его, едва лишь на землю спускались сумерки. Какая-то неодолимая сила влекла Ученого в сад, и там, стоя под ветвями, он напряженно вслушивался в вечернее безмолвие, словно пытался уловить нечто забытое и давно утраченное. Что же? Ученый не мог ответить. Ведь он имел почет и богатство, а что может быть нужно человеку помимо этого?

Однажды, когда глубокой ночью Ученый ворочался в своей постели в напрасных попытках заснуть, луч луны упал в раскрытое окно. Он легко коснулся лица Ученого, приглашая в путь, и Ученый, словно давно ждавший, откликнулся на этот призыв. Он взглянул в окно и увидел тропу из лунного сияния, серебром мерцавшую меж деревьев. Дивная легкость наполнила Ученого. Он пошел по тропе, и она привела его на край утеса, темной громадой высившегося над окрестными холмами и рощами.

Недвижимые, в небесной вышине сияли звезды. Внизу, припорошенные лунной пылью, ковром смыкались кроны деревьев, а оттуда... оттуда лились до боли знакомые чарующие звуки. То пел Соловей, и звенящая песня его широко и легко заполняла пространство. Даль, раскрывшись, внимала ее привету; ей, крылатой, внимали, склонясь, миры. И тогда Ученый понял, о чем тосковал все это время и зачем пришел сюда. «О Соловей, — произнес он, — мне только казалось, что я убил тебя, а ты жив и смерть не властна над твоею песней! Я погубил твое щедрое сердце, но теперь знаю, что должен был подарить тебе свое. Что ж, сегодня я исправляю эту ошибку».

Так сказал благородный Ученый. И светло улыбаясь, он шагнул в беспредельность ночи навстречу песне, которую так любил.

Ведь душа наша — птица, жизнь — песня.

Восславим Творца, о друзья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Ермаков Олег Владимирович • Oleg V. Yermakov

Биографическая справка • Biographical information

Родился в 1961 году в г. Мичуринске Тамбовской области (Россия), там же окончил среднюю школу. В школьные годы — победитель VII Всесоюзного конкурса школьных сочинений в жанре очерка (1975). Окончил Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко по специальности «химия» (1983). Около 10 лет работал в химической отрасли Украины, далее — в журналистике, пройдя путь от репортера до главного редактора всеукраинского журнала. Автор ряда изобретений и цикла трудов о Вселенной, работу над главным из которых, «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», вел в течение 22 лет (1987–2009). Член авторского сообщества Википедии. Автор стихотворного сборника «Сила Любви» (2001), профессиональный художник-карикатурист.

Исследование Вселенной — мое основное занятие. Предаюсь ему со студенческой скамьи и считаю его наследственным: моя бабушка Надежда Зарецкая — конструктор антенного блока первого искусственного спутника Земли, запуск которого ознаменовал начало космической эры человечества, автор ряда изобретений в области ракетно-космической техники, а муж Надежды Георгиевны и мой дед Михаил Мамонтович — брат Нины Ивановны Королёвой (урожденной Котенковой), жены С.П. Королёва, в КБ которого в подмосковных Подлипках работала бабушка, пришедшая по рекомендации работавшей там Нины Ивановны, соседствовавшей с семьей Надежды Георгиевны в поселке Болшево Московской области (ныне часть г. Королёва). Покоряя Вселенную, в те нещедрые на житейские блага времена Надя Зарецкая, бесконечно влюбленная в Землю, страстно мечтала обзавестись ее клочком, чтобы посадить на нем сад. Мечта ее сбылась: хлопотами Сергея Павловича талантливая дочь России получила участок в Болшево, где вырастила чудесный сад и построила дом для большого семейства.

Женат, отец взрослого сына и дед троих внуков. Сейчас живу в Киеве.

Born in 1961 in Michurinsk, a town near Tambov, Russia, where I finished school. During my school years, I won the 7th USSR National School Essay Competition (1975). I graduated from the Kiev Taras Shevchenko State University with a Master's degree in Chemistry (1983). After 10 years in chemical industry in Ukraine, I decided to pursue a career in journalism, where I grew from a reporter to the editor-in-chief of a national magazine. I have a number of registered inventions. I am an author of a series of works about the Universe. My most important work, Planet Love. The basics of the Unified Field theory, or the Introduction to sacral linguistics, took me 22 years to write (1987 – 2009). Member of Wikipedia author community. Author of a published book of poetry Power of Love (2001). Professional caricaturist.

Researching the Universe is my primary occupation and a passion since college years. Passion for space runs in generations in my family: my grandmother Nadezhda Zaretskaya designed the aerial assembly of the first man-made Earth satellite, the launch of which started the space era of the humankind, and holds credit for a number of other space engineering inventions. Her husband, my grandfather Mikhail Zaretsky, is a brother of Nina Koroleva, wife of the great Sergey Korolev – it was in Korolev's Podlipki space design lab near Moscow that my grandmother worked all of her career until retirement. Despite her success conquering space, in those tough Soviet times, her biggest dream on our planet was to own a piece of land to grow a garden. Her dream eventually came true: through Sergey Korolev's patronage, the talented space engineer received a piece of land where she was finally able to grow a beautiful garden and build a house for her big family.

I live in Kiev with my wife. I am a father to a grown son and a grandfather of three.

Мой телефон:

+ 38 (066) 561-21-20

E-mail: hermakouti@ukr.net

Skype: [martin196966](https://www.skype.com/name/martin196966)

Личный сайт, посвященный работе «Планета Любовь»:

<http://www.ivals61.narod.ru>

